
Йосси КИНСКИ

СРЕДИ ПОДСОЛНУХОВ

Повесть

Я столько раз видала рукопашный,
Раз наяву. И тысячу — во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.

Юлия Друнина

Глава 1. Анна

Весна 1975 года выдалась особенно теплой и солнечной. Зима отступила, и весна входила в полную силу. Мир, чуть шалея от такого подарка, тут же ответил буйной зеленью деревьев и суетливым щебетом птиц.

Шумный железнодорожный вокзал был заполнен разноликой массой людей, когда протяжный свист поезда известил о прибытии пассажирского состава из Минска. Послышался скрежет тормозных колодок, и вереница вагонов остановилась возле грязного перрона. Встречающие немедленно облепили выходы, высматривая в окнах знакомые лица. Люди, кто с ведрами и баулами, а кто и с дорогими кожаными чемоданами в руках, спускались из вагонов и сразу же терялись в радостно бурлящей толпе.

Из вагона вышла женщина лет восьмидесяти. Прижимая к себе мешочек с жареными семечками и щурясь от весеннего солнца, старуха, стуча клюкой, засемила в сторону парка. Отдыхая через каждые десять-пятнадцать шагов, она пробиралась сквозь толпу, поминутно извиняясь за свою медлительность. Большой пассажирский состав, издав истошный гудок, дернулся и попятился назад.

Худая сгорбленная фигура, закутанная в выцветшую шаль, появляясь и исчезая в бующем море людей, продвигалась к спасительному привокзальному парку.

Отделившись от толпы, она перекрестилась и пошла по крутой лестнице, ведущей к фонтану. Там, умывшись прохладной водой прямо из фонтана, она невольно залюбовалась рукотворным источником. Это был бронзовый постамент в виде сидящего среди разбросанных музыкальных инструментов и прикрывающего руками лицо дирижера.

Разбрасывая брызги, вода из забитой лейки тонкой струей стекала по его рукам, и казалось, что музыкант плачет неиссякаемым потоком слез. Задержавшись на мгновение возле печального дирижера, старушка поковыляла к своему месту под раскидистой липой, где она вот уже десять лет торговала семечками.

Йосси Кински — прозаик, драматург, сценарист. Родился в 1980 году. Публиковался в журналах «Новый континент» (США), «Крещатик» (Украина), «Номо Legens» (Москва), «Чайка» (США), интернет-журнале молодых писателей «Иные берега». Автор более 10 киносценариев, нескольких театральных пьес. Живет в Москве.

Подойдя к заветной скамейке, она раскрыла свой мешочек и, встряхнув его пару раз, положила перед собой на землю. Крупные тугие семена сразу же заиграли на солнце матовым цветом. Старуха, улыбаясь тонкими губами, смотрела на это мерцание, которое уносило ее в последнее счастливое воспоминание — лето 1941 года.

В тот день Анна, сидя в маленькой комнатухе, рассматривала старые фотографии. Падающий из распахнутых настежь окон свет яркого июньского солнца озарял ее руки, любовно сжимающие дореволюционную фотокарточку, запечатлевшую ее еще юной девушкой. На фоне Смольного института благородных девиц, где она училась, фотограф поймал веселую стайку выпускниц. Пожелтевшие от времени изображения с тонкой надписью в уголке «Ст. ПИТЕРБУРГСКАЯ ФОТОГРАФИЯ. Давингоф» напоминали о безмятежной поре расцвета ее юности.

Привитые еще в институте осанка и манеры даже сейчас, на восьмом десятке, давали в ней аристократку. И доставшиеся от матери широко открытые глаза лишь усиливали это впечатление. А гордый, чуть свысока, но лишенный высокомерия взгляд — отцово наследство. Стройный и подтянутый, всегда безупречно аккуратный, он ни в чем не терпел небрежности. И странное сочетание удивительного своеволия и неукоснительного следования правилам Анна тоже унаследовала от него — офицера, аристократа и просто умницы, как, смеясь, представляла его новым знакомым искрящаяся от гордости за супруга мать.

Отец же любил ее, но никогда не демонстрировал другим своих чувств так явно. Истинный предмет своей гордости — наградную золотую саблю, полученную дедом Анны лично из рук императора Александра III, висевшую в кабинете отца, — он с гордостью показывал всем, сопровождая демонстрацию увлекательным рассказом о боях, за участие в которых была вручена награда с уменьшенной копией ордена Святого Георгия на рукояти. Только в эти минуты отец терял привычное выражение лица и становился похожим на мальчишку с сияющими от восторга глазами.

Сидящая в пустой комнате Анна с умилением вспоминала годы своей учебы. Калейдоскопом мелькали в памяти образы прошлого. Вот стайка весело щебечущих сокурсниц в платьицах кофейного цвета с белыми коленкоровыми передниками сидит в кабинете, ожидая угрюмую и строгую классную даму. Приятные воспоминания прерываются неожиданно пронзающей все ее существо мыслью о ненавистном корсете из китового уса, который нещадно давил на ребра, не давая свободно вздохнуть. В вихре вальса кружит ее первая робкая любовь к молодому унтер-офицеру, которого она видела лишь дважды в жизни на званых балах.

На следующей фотографии медосмотр в институте — забота о здоровье будущих старух. Дальше на снимке была запечатлена встреча с императором Николаем II на выпускном экзамене Смольного института. Анна помнила, как император сидел с отрешенным видом и, погруженный в тягостные раздумья, не обращал внимания на глубокие реверансы бледных от страха институток. Шел 1917 год, но память упрямо выдергивала из подсознания лишь приятные моменты, ретушируя все плохое, что случилось потом. Подумать только: тогда старый учитель невольно мог вогнать девушек в краску, просто читая «Онегина»:

В последнем вкусе туалетом
Заняв ваш любопытный взгляд, —

сопровождались тонкоголосым аханьем и хихиканьем.

Анна отложила фотографии и достала из лежащей рядом шкатулки свою особую гордость — фрейлинский знак — темно-зеленый атласный бант, заботливо сохраненная частичка былого величия. Шифр по традиции доставался лучшим выпускницам

Смольного института и в дальнейшем давал надежду стать одной из фрейлин в свите самой императрицы.

Когда-то на ленте красовался вензель императрицы из золота и бриллиантов, но молодой власти большевиков нужны были деньги. Тогда во время обыска угрюмый командир большевистского отряда уступил мольбам заплаканной девушки и, уходя, бросил оторванный бант на пол.

После революции и расстрела родителей Анна, помыкавшись по городам и весям, оказалась в глубинке, в одном из многочисленных колхозов, которые как грибы после дождя выростали на руинах поместий.

На симпатичную девушку заглядывались все парни села, но свое неискушенное сердце Анна отдала молодому учителю местной школы, где преподавала в начальных классах. С ним в счастливом браке она нажила двух сыновей-близнецов: Якова и Михаила, но в 1931-м Анна овдовела, и ей пришлось в одиночку растить мальчишек.

Картины прошлого плавно сменяли друг друга, и Анна непроизвольно улыбалась уголками бледных губ. Одинокая слеза, вдруг скатившись по ухоженному, но увядающему лицу, упала на фотографию.

Анна вздрогнула и, утерев слезы, глубоко вздохнула. Сегодня в ее жизни есть место только слезам радости. Ведь вечером у нее большой праздник: сыновья играют двойную свадьбу.

Анна сложила свои сокровища в шкатулку и убрала подальше. Разгладив заботливой рукой складочки платья, купленного сыновьями на сорокалетие, Анна выглянула на улицу. Там в ярком свете середины лета жизнь шла своим чередом.

Деревенские жители упиваются летним изобилием. Досыта едят и люди, и скотина. Дед с вилами копается в деннике, заодно гоняя мышей. На деревьях яркими лампочками висят поспевающие фрукты. Вишни издали привлекают спелыми боками к своим низко наклонившимся ветвям вездесущую детвору с соседних участков. Ребяшня караулит, когда хозяева задержатся в доме, украшая очередное блюдо. Тогда можно будет перелезть через калитку и наесться вдоволь за богатым свадебным столом. Бабы с бидонами молока, как утки, переваливающиеся с боку на бок, несут свой удой в колхозный амбар, где в огромном подполе сливают его в бочонки. Мужики, беззлобно матерясь, копаются в утробе казенной техники. Сонной безмятежной тишиной дышит полдень. В деревне мир кажется светлым и спокойным, словно оторванным от невзгод и тревог, всколыхнувших всю Европу.

Глава 2. Война

Бригадир и пара мужиков, чьи жены торопливо сновали между крошечной душевной кухней и накрытым белой скатертью столом, присели с краю и открыли принесенную с собой четверть мутноватого самогона. Молча, как на поминках, они опрокидывали в рот доверху наполненные стопки «для куражу».

С важным видом в калитку вошел музыкант. В деревне все звали его гармонистом, что его страшно злило, ведь играл он на аккордеоне. Поправив ремни инструмента, он деловито плюхнулся на завалинку, сдвинул набок серую фуражку с алой гвоздикой, закрепленной на околышке, и растянул меха.

Торопливо выскочила из избы быстроногая хозяйка, неся в руках две тарелки с ароматными хрустящими огурчиками из бочонка и квашеной капустой. Замешкавшись на пороге, она поставила закуску перед бригадиром и мужьями своих помощниц, пригрозив, что отправит гостей на растерзание супругам, если те, не рассчитав силы, умудрятся опьянеть до прибытия молодых и начала всеобщего застолья. Гармонист скосил глаза в сторону, и через минуту другая хозяйка вынесла ему на широкой тарелке

несколько ломтей серого ароматного хлеба, очищенную и разрезанную на восемь частей луковицу, солонку и крошечную граненую стопочку. В другой руке у нее красовалась персональная бутылка с прозрачной жидкостью. Гармонист важно осмотрел бутылку, медленно отвинтил жестяную пробку, плеснул немного в стопарик, будто на пробу. Молниеносно опустошив его, он на пару секунд задержал прозрачную жидкость во рту, перегоняя ее, точно полоща рот для дезинфекции. Потом потянулся, отделил пару мясистых слоев от луковой восьмушки, ткнул ее в солонку и, аппетитно хрустя, отправил вслед за луком ломоть хлеба, аккуратно застеленный кусками соленого сала с частыми красноватыми прожилками. Потом крикнул: «Ух, хороша!» — и заиграл какой-то марш, разминая пальцы.

Сняв с плеча кухонное полотенце, хозяйка направилась к своему благоверному, лицо которого от мутноватого поила и нещадно палившего солнца мгновенно побагровело. Картинно грозя ему полотенцем и выкрикивая что-то нравоучительное, баба пару раз протянула полотенцем по его плечам и, поджав губы, побежала за новыми блюдами.

Из репродуктора, висящего на столбе возле дома Анны, доносились первые аккорды песни «Сердце» Утесова. Длинный праздничный стол для гостей был накрыт во дворе перед домом. Чего тут только не было! И холодец из бараньих ножек, и вареное мясо, и жареные овощи. Отварная картошка, посыпанная зеленью, аппетитно дымилась рядом с нарезанным домашним салом, а всевозможные закатки слезились прозрачным рассолом.

Звонкий хохот заблаговременно известил хозяйшек о приближающейся свадьбе. Анна выскочила на крыльцо с румяным караваем на вышитом рушнике. Бригадир встал в центре стола, поправил пиджак, изрядно измятый, в ожидании торжества. Мужики тоже поднялись со своих мест, но стоять на неверных ногах им было уже трудно, поэтому они нависли над столом, опершись на него тяжелыми рабочими кулачищами. Если бы не шумный гвалт ввалившейся в калитку и распахнутые ворота молодежи, их поза могла бы показаться угрожающей.

Высокие и стройные женихи по традиции были одеты в черные однобортные костюмы, на ногах красовались новые, начищенные до блеска туфли. Происхождение сделало свое дело, так что в каждом движении близнецов чувствовались грация и достоинство.

Их невесты Маргарита и Ольга были деревенскими. Обе в белых домотканых платьях, смеясь, кружились под музыку.

В клубе на танцах братья-близнецы с первого взгляда влюбились в двух смешливых подруг из соседнего села и уже не расставались, чтоб через полгода сыграть двойную свадьбу. Позже выяснилось, что у Маргариты — невесты Якова — уже есть пятилетняя дочь от заезжего студента, но в бушующем урагане чувств это не оказалось препятствием для свадьбы.

Кружась в танце, Михаил не мог отвести глаз от Ольги, словно нашел в ней нечто самое бесценное и родное. Крепко обнимая ее за талию, он с улыбкой шептал ей на ухо:

— Мы никогда не расстанемся.

— Да, милый. Нас никто не сможет разлучить, — вторила ему Ольга.

Из-за стола встал председатель колхоза. Он неловко вытер с лица кусочек прилипшей квашеной капусты, высоко поднял граненый стакан, доверху наполненный самогонном.

— Дорогая Анна Владимировна, я, как председатель колхоза, хочу поздравить от имени всего коллектива вас и ваших сыновей с этим счастливым днем.

Голос председателя громким рыком разносился в воздухе, временами заглушая аккордеон.

— Чтоб их дом был полной чашей, чтоб в семье был мир да лад. А как известно, где лад, там и клад. Посмотрите на этих молодых. Они красивы и счастливы. У них вся жизнь впереди!

Внимая собственному совету, он глянул на молодоженов.

— Ишь, как выплясывают. Голубки! Ну, в общем, поздравляю, — добавил председатель и, расплывшись в хмельной улыбке, обернулся к гостям.

Следующим слово взял бригадир. Это был щуплого вида мужичок с лысиной на маленькой голове. Перепоясанный от ширинки до груди красным кушаком, бригадир был похож на большевиков-подпольщиков, прячущих на себе красное знамя. Маленький и щедушный, он разительно отличался от своей братии бригадиров-верзил.

Вытирая вспотевшие стекла очков, бригадир жестом приветствовал всех сидящих.

— Товарищи, сегодня счастливый день для всех нас. Ведь сегодня...

Его слова оборвал громкий голос Молотова, рывкнувший из репродуктора:

— Сегодня, 22 июня 1941 года, в четыре часа утра без объявления войны германские войска напали на нашу страну. Атаковали пограничные части Советского Союза. Были подвержены бомбардировке города Житомир, Киев, Севастополь, Каунас, а также другие города приграничных областей.

Мощный бас умолк. В тягучей тишине, повисшей над оцепеневшей свадьбой, со стороны пруда донеслось мычание коров.

Тревожный шепот обескураженных людей начал набирать силу, превращаясь в общий неразборчивый гул, в котором смешались женский плач, ругательства и звон битой посуды. Вскоре в общей какофонии звуков стало различимо лишь одно слово:

— Война...

Оно, словно инфекция, кочевало из уст в уста и клеймило людей, мгновенно стирая с их лиц радостные улыбки.

— Как война?!

— Ура! Война! Война! — маленькая Рая, весело вскрикивая новое, а потому веселое словечко, продолжала кружиться в замершей музыке. Ее никто не останавливал, но по каменному лицу матери и заплаканным глазам соседок девочка что-то поняла и, внезапно затихнув, рухнула в траву.

Кто-то неловко опрокинул бутылку на стол. Красное, как кровь, вино растеклось по белой скатерти, рисуя причудливый узор на заставленном едой и напитками столе.

Веселье пропало, и потрясенные люди рассеянно и обреченно разбредались по домам. Страх и отчаяние разлились в тяжелом воздухе.

Глава 3. Проводы

Железнодорожный вокзал расплывался в глазах плачущих невест, жен и матерей. Перрон походил на свежее засеянное поле, ветер стал осязаемым, он был переполнен резкими голосами, обрывистыми фразами. Они, как тяжелые камни, падали на провожающих. Запах мазута, влажного белья и закрытых окон хорошо известен путешествуящим поездом. Но нынешнее путешествие не обещало радостных открытий новых земель.

Люди толпились рядом с поездом, бросая друг на друга острые, как лезвие ножа, взгляды. Но невозможно было определить, куда смотрел каждый из них. Смятение и ужас читались во взглядах провожающих. Страх и надежда были в натянутых улыбках отъезжавших.

— Мы и наши героические солдаты должны верить в победу и показать мужество в бою, — воодушевленно наставлял военком. — Мы должны дать достойный отпор Гитлеру и его прихвостням. Мы стоим за весь советский народ.

Недружные, точно растерянные, аплодисменты послужили сигналом старому дирижеру, и военный оркестр грянул «Прощание славянки». Бодрая мелодия заполнила все пространство, заглушив причитания матерей.

— Сынок, будь осторожен! — просипел дед Володя и посмотрел на единственное детище влажными серыми глазами.

— Не волнуйся, отец! Вот увидишь, скоро вернусь в орденах и медалях, — бодро, но неуверенно успокаивал его сын Иван.

И сердце стало биться еще сильнее, когда воображение нарисовало Ивану картину торжественного возвращения домой. Он представил, как маленькая дочка, указывая на папу, будет говорить:

— А у моего папы самая большая медаль! Смотрите, вон сколько их у него! Блестящие, совсем новенькие! Смотрите!

Но реальность была другой, и в ней дочь, заливаясь слезами, умоляла отца не уезжать:

— Я тебя люблю, папка. Ну, не уезжай. Я буду вести себя хорошо, клянусь! — всхлипывая и глотая окончания слов, голосила Нина, обнимая отца изо всех сил, как будто это могло и в самом деле удержать его.

— Я лук посадил во дворе. Как раз к твоему возвращению вырастет, — снова просипел дед, не зная, что еще сказать.

Ком сдавил горло старика, навалившись тяжестью неминуемых слез.

— Только бы лук уродился, — добавил он и быстрым движением смахнул предательскую слезу.

Рядом с заполненным вагоном в исступлении голосила красивая женщина. Высоко задрав голову, она говорила со своим мужем, по пояс высунувшимся из открытого окна.

— Да как же я теперь без тебя-то? А дети? А сарай кто ставить будет? — отчаянно умоляла Елена, до последнего надеясь, что муж не уедет. — Сашка, ну не дури! Спускайся!

— Глупенькая, что ж ты так волнуешься? Я обязательно вернусь, — грустно улыбаясь, повторял Александр.

Елена ласково прижималась щекой к руке мужа. Вдохнув родной запах, она закрыла глаза и уже не выпускала любимого из своих объятий. Так она и застыла, наслаждаясь моментом, самым дорогим в ее жизни. Потеряв счет времени и не замечая окружающих, Елена словно растворилась в пространстве, заполненном обещаниями, прощальными поцелуями, призрачными надеждами и слепой верой. В ее душе поселился страх перед одиночеством и неизвестностью. Александр старался насладиться ароматом жены и увезти с собой эту память. Ее атласные волосы, туго подвязанные голубой лентой, пахли парным молоком и сиренью.

— Слышь, сынок. Не выставляйся там. Пожалей мать с отцом. Не для генералов тебя растили, — тем временем учил Степан сына. — И еще, если ты не будешь в немец стрелять, то они тоже не выстрелят в тебя. Немцы — очень культурный народ. Я в газете читал, — стараясь не встречаться взглядом с сыном, говорил Степан, крутя самокрутку.

Неподалеку Лида прощалась со своим мужем.

— Где застрял этот негодный мальчишка? Поезд скоро отправляется... — ворчал взволнованный Василий в солдатской форме, вглядываясь в толпу, где искал глазами сына Мишку.

— Не волнуйся, сейчас придет, — трогательно и заботливо шептала ему на ухо Лида.

В этот момент маленький Миша, тяжело дыша, просочившись сквозь массу стоящих людей, подбежал к отцу.

— Пап, на, держи! — С этими словами мальчик протянул отцу колоду стертых карт. — Ты же всех в деревне обыгрываешь. Может, и Гитлера сможешь? А если он тебе продует, то остановит войну, и ты вернешься домой.

Эти наивные слова мальчишки заглушил протяжный гудок паровоза.

В стороне от толпы стояла семья Анны. Мать грустно роняла слезы в платок, с тревогой вглядываясь в лица сыновей. Кто мог знать, может быть, она в последний раз видит эти родные сердцу черты? С нежностью любящей матери Анна поправила воротник гимнастерки Якова и, смочив палец слюной, как в детстве, вытерла щеку Михаила. Судьба опять наносила ей удар под дых, отнимая свои самые дорогие подарки. Удар неожиданный и от того еще более подлый. И больше всего переживала Анна свою беспомощность.

Женщина, которая больше двадцати лет одна растила, любила и лелеяла детей, ставших для нее единственным смыслом жизни, теперь провожала их на войну, возможно, навсегда прощаясь с ними.

В бессильном отчаянии она бросилась на шею сыновьям и, не в силах больше сдерживаться, разрыдалась так, как не плакала до сих пор никогда.

— Куда же вы?! Только вчера свадьба была! Может, повремените с отъездом? — умоляюще шептала Анна в надежде, что вот-вот очнется от страшного сна.

Но чуда не происходило. Минуты одна за другой неумолимо утекали в прошлое. Время исчезало, не жалея и не спрашивая разрешения.

— Мама, ты же сама понимаешь, что это наш долг. Вот увидишь, вернемся с победой и приведем тебе Гитлера на коленях, — Михаил старался развеселить отчаявшуюся мать.

— Сынок, ну зачем он мне нужен? Сами бы вернулись целыми и невредимыми, — шмыгая носом, утихла мать. — Лишь бы с вами ничего не случилось.

— Не волнуйся, мам. Что с нами будет? — весело подмигнул Яшка.

— Не боюсь, мать! — весело хохотнул Михаил.

Анна всхлипнула и отстранилась от сыновей. Вдруг, спохватившись, полезла она в свой холщовый мешок, достала оттуда два куска мыла и протянула их сыновьям. В этот момент к ним подошел Сергей, которого она тоже незамедлительно одарила добрым бруском.

— Зачем это нам, тетя Ань? — недоумевающее спросил Сергей.

— Бери-бери. Поможетесь там. Свое роднее, чем казенное, — не торопясь разъяснила Анна.

Затем, повернувшись к Ольге, она попросила:

— Помоги раздать и это.

Анна протянула мешок, полный даренного соседями на свадьбу хозяйственного мыла.

— Может, стоит это продать в деревне? — шепотом предложила Ольга.

— Кому продать? — Анна удивленно окинула взглядом молодую невестку. — Раздавай! Так надо!

Еще какое-то время люди прощались, обещая друг другу вернуться живыми, обязательно дожидаться и любить вечно, но пронзительный свист паровоза оборвал узы объятий. Каждый пытался остановить это мгновение, к которому постоянно будет возвращать их спасительная память. Для всех собравшихся на вокзале этот миг станет хлебом в голодный день, надеждой на то, что завтра все вернется на круги своя. Последний гудок паровоза, прощальные слова, улыбка и любимый голос... А для кого-то последние в жизни...

Нестройно оборвав на середине музыку, музыканты военного оркестра сложили инструменты в футляры и чехлы и, прощаясь с пожилым дирижером, поднялись в вагоны. Он проводил взглядом свой коллектив и, когда в вагоне скрылся последний музыкант, без сил опустился на колени среди разбросанных на земле инструментов. Закрыв лицо руками, не в силах сдержать слез, он беззвучно заплакал.

В пустой тишине над вокзалом с новой силой раздалась рев и крики. Тяжелые, будто каменные глыбы, посыпались на перрон слова:

«Если родится мальчик, назови его моим именем», «Ничего не бойся», «За мать не переживай»...

— Я тебя люблю! — кричала что было сил вслед уходящему вагону Маргарита.

Весь вокзал покрылся частоколом протянутых на прощание женских рук. Состав медленно, словно подводная лодка, проплыл сквозь океан колышущихся платков и утонул вдали в поле ярких подсолнухов.

Опустевшая деревня теперь больше напоминала женский монастырь. Из мужиков в деревне остались только старики, чья работа в тылу была полезней их присутствия на передовой, и дети. Среди них оказался и колхозный фельдшер Виктор, который все это время стоял в сторонке и не сводил глаз с Маргариты. Наконец дождавшись, когда состав скрылся из виду, он, протискиваясь сквозь толпу женщин, стал продвигаться к Маргарите.

— Кого провожаем? — услышала она вдруг чей-то сипловатый голос прямо над ухом. Она повернулась и встретилась взглядом с худощавым парнем.

— Мужа, — рассеянно ответила Маргарита и оглянулась в поисках Анны и Ольги. Их нигде не было.

— Меня зовут Виктор. Я здешний фельдшер, — представился парень, и на его лице заиграла тень ухмылки.

— Очень приятно, я Маргарита.

— Давайте я вас провожу. Нам, наверное, по пути.

В этот момент к ним подбежала маленькая Рая, и они, спустившись по перрону, побрели в сторону деревни.

Глава 4. Тыл

Запах жареных семечек разносился по всему дому, наполняя его теплом и уютом. Анна, стоя у плиты, монотонно помешивала подпрыгивающие на раскаленной чугунной сковородке зернышки. Послышался стук открывающейся двери, и Ольга с Маргаритой, смеясь, вбежали на кухню.

— Что это? Жаришь семечки? — спросила Маргарита.

— Да, дочка. У Марины сын приехал. Раненый. Полежал в госпитале, а оттуда отпустили домой на побывку. Он с собой семечки привез. Маринка соседям раздала. Теперь вот все их жарят.

— Мама! Сто раз тебе говорила, не называй меня дочкой! — Маргарита зачерпнула горсть горячих семечек и добавила: — Он Яшу не видел?

— Он сейчас отдыхает. Вечером вместе пойдем и спросим. Может, и видел, — ответила Анна и, вытирая о подол юбки руки, опустила глаза.

Вот уже месяц от сыновей не было никаких вестей. С тех самых пор, как мать проводила детей на войну, она не отходила от окна, ожидая почтальона. Одно коротенькое письмецо, отправленное в середине июля Михаилом, рассказывало о том, что их 20-й мотострелковый корпус соединили со штабом 25-го мехкорпуса и создали Брянский фронт со штабом в Брянске. Каллиграфическим почерком на смятом клочке бумаги сын рассказывал, что сражается в составе 13-й армии, которая ведет тяжелые бои

со 2-й танковой группой Гудериана. До боли знакомый почерк родного ребенка, когда-то под материнскую диктовку писавшего диктанта и сочинения по школьной программе, теперь выводил страшный рассказ о войне. Ровные линии букв, тянущиеся, словно нитки жемчуга, бесстрастно описывали тяжелый быт советского солдата. В потоке слов о взрывах, лишениях и смерти лучиками солнца пробивались трогательные: «Верю», «Люблю», «Вернусь» и «Победа». Они вселяли надежду в истерзанную материнскую душу. Из этого же письма Анна узнала, что сыновья служат в одной части и Михаил присматривает за братом. Эта новость наполнила сердце Анны приятным теплом, на некоторое время ослабив тревогу за сыновей. Когда-то ничего не значащие для нее слова: «Гудериан», «13-я армия», «дивизия» — теперь каленым железом были выжжены в памяти женщины. Каждый раз, когда на высоком столбе, громко всхлипнув, оживал репродуктор и начинал передавать сводки с фронта, Анна с замиранием сердца слушала ставший родным бас диктора, пытаясь разобрать до боли знакомые слова из письма. В вакууме неизвестности, когда отчаяние душило едва тлеющую надежду, уверенный голос из репродуктора стал единственной ниточкой, связывающей мать с сыновьями. Анна ждала и панически боялась этого голоса. Она проклинала его, когда он в очередной раз вещал о потерях, и боготворила, когда торжественно сообщал об успехах Красной армии. Она давно наделила репродуктор живой душой и часто с ним говорила, умоляя донести весточку о сыновьях. Вот и теперь, выйдя из дома, Анна остановилась под столбом и бросила на спящий репродуктор быстрый взгляд, полный надежды и страха. Дождавшись, пока ее догонят невестки, Анна направилась в дом Василия.

Раненый солдат расположился на полене во дворе, держа сына Мишутку на коленях. Мальчик сидел, уткнувшись носом в гимнастерку отца, боясь даже на мгновение отпустить его. Вокруг них собралась почти вся деревня.

— ...Бьем фрица так, что мама не горюй, — сквозь клубы дыма самокрутки, растягивая слова, рассказывал Вася. — Скоро загоним его туда, куда Макар телят не гонял.

Василий затаился сигаркой и подмигнул конопатому мальчугану, пробравшемуся сквозь лес ног.

Лица собравшихся озарили улыбки. И только почтальон не реагировал на бравладу бойца. Настоящую правду о войне он знал не понаслышке. Первые похоронки с фронта полетели уже спустя две недели с начала войны. Да и сейчас у него в сумке лежало несколько таких извещений. Вручать их адресатам не было никаких сил.

— А я так и знала. Гитлер — дурак, как и все немцы. Были бы умными, не поперли бы на нас войной, — стряхивая воображаемую пыль с ситцевой юбки, заявила Лида.

Вся толпа, воодушевленная хорошими новостями, залилась громким хохотом.

— А я по своей глупости поранился. Чистил оружие, а там патрон. — И Вася показал перевязанную на уровне колена ногу.

— А правду говорят, что фрицам выдают шоколад и коньяк? — спросил Володя.

— И у нас так! И шоколад есть, и коньяк, а жареная курица уже в горло не лезет! — незамедлительно выпалил герой.

— А моих близнецов не видел? — с надеждой в дрожащем голосе спросила Анна.

Все замолчали, ожидая ответа. Стало слышно, как задребезжали стекла в окнах от проходящего вдалеке поезда. Тяжелогруженный товарняк вез на фронт новенькие танки и гаубицы. В последнее время пассажирских поездов почти не осталось. Обычно они проезжали ночью. Составы шли мимо станции без остановок и разгрузок. Но сейчас было слишком рано, еще вечерело. Видимо, пустили дополнительный состав.

— Нет, тетя Аня, — продолжил Вася, — я их не видел. Но со мной в соседнюю деревню возвращался солдат. Так вот он рассказывал, что в их роте служили близнецы-евреи. Их постоянно путали.

Улыбка озарила лицо Анны. Долгожданная новость о детях нашла ее. Вытирая слезы, Анна начала припоминать далекое прошлое.

— Да, да! И в школе так было! Яшка по математике постоянно хватал двойки. А однажды принес в класс ящерицу, так его вообще выгнали с урока. Директор школы за это вместо Яшки наказал Мишеньку. А тот потом явился на урок математики вместо Якова и решил все задачи. Учитель потом долго говорил, что наказание Яше на пользу пошло.

Все кругом стали улыбаться. Анна оживилась:

— Сынок, а что еще говорил тот солдат?

— Да он вообще немного говорил, — отводя взгляд, ответил Вася.

— Жаль, — задумчиво произнесла Анна. — А из какой деревни он был? Может, сходить да найти его?

Анна до последнего хваталась за эту радостную новость.

— Нет-нет! Он давно уже вернулся на фронт, тетя Ань. Его точно в деревне уже нет! — с жаром стал отговаривать женщину Василий.

— Чтоб Гитлеру пусто было! — горько выдохнула Анна.

— Говорят, вся Европа на него работает. Италия и... как ее... Франция. Вот! — вставил Володя, блеснув осведомленностью.

— Ничего. Вот увидите, немцы сами остановят войну. Гитлер долго не протянет, — подумав, сказал Василий.

— Или протянет ноги! — шутя, добавила Лида, и все опять засмеялись.

— Писем еще нет, сынок? — косясь на почтальона, поинтересовался Михалыч.

— Еще нет, но они уже в пути, — ответил почтальон и, помолчав немного, добавил: — Я понимаю, что вы все ждете весточек. Но это война! Нужно запастись терпением.

С некоторых пор почтальон стал в деревне самым важным человеком. Даже важнее председателя колхоза. Все его ждали, выбегали на улицу, как только слышали звон его издававшего виды велосипеда. Его маршруты были известны всем без исключения: от сопливого мальчишки до стариков. Что уж говорить про баб? Они успевали замечать даже настроение почтальона, что сразу же становилось темой номер один в обсуждениях на лавочках. С начала военных действий в село уже пришли похоронки. И теперь к всеобщему ожиданию примешивался еще и страх.

* * *

Изумрудные травинки поблескивали бриллиантовыми капельками росы, к пруду, лениво помахивая хвостами, прошло несколько коров. Сопровождаемые завистливыми взглядами из окон домов буренки валяжно вышагивали по сырой от росы лужайке. Недавно достроенная сельская школа, по изгороди увитая плющом и хмелем, красовалась голубой крышей. Слабый ветерок облегчал знойную погоду, но к полудню опять поднималось солнце, и снова становилось жарко и уныло.

Класс, освещенный лучами полуденного солнца, был чисто вымыт. Кое-где на подоконниках цвела разноцветная герань, за которой следили дежурные ученики. Гордостью класса был величественный фикус, стоявший в углу. Возвышаясь почти до потолка, он широко раскинул свои ветви, образуя купол над учительским столом. Этот фикус был неотъемлемой частью классной комнаты, так что сполна получал свою порцию любви и внимания. Однажды кто-то из мальчишек прознал, что если пожевать лист фикуса, то язык и губы распухнут, и это повлияет на речь. Воспользовавшись этим открытием, ребята повадились жевать листья, что давало повод не отвечать на уроках. Поначалу Анна испугалась за детей. Почти ежедневная неспособность гово-

рять вкупе с неестественно большими губами и распухшим языком навевала мысли о странной заразной болезни. Но узнав правду и удивившись изобретательности детишек, Анна пригрозила вызовом родителей в школу, что вмиг отбило желание мальчишек жевать листья.

Сегодня Анна вошла в класс, как всегда, в идеально отутюженной юбке и накрахмаленной белой блузке, держа в руках журнал.

— Здравствуйте, ребята. Садитесь, — мягко произнесла Анна и, подобрав юбку, элегантно опустилась на краешек учительского стула.

Гул детских голосов, затихая, превратился в тихое шуршание.

Дети все еще ерзали и шептались:

— Знаешь, как больно кусает? — держа перед носом Сары раскрытую ладонь, в которой ползала маленькая ящерица, прошептал Олег — курносый мальчишка с лиловым фонарем под глазом.

Девочка в ужасе уставилась на ящерицу, боясь пошевелиться. Неподдельный страх сковал ее движения так, что она даже не могла вскрикнуть. Покрутившись на ладошке, ящерица леденящим душу немигающим взглядом посмотрела на Сару и вдруг лизнула собственный глаз. Это было так омерзительно, что класс огласил громкий девичий визг.

— Что такое!? — встревожилась Анна.

— У него ящерица! — не прерывая визга, указала на Олега Сара.

— Олежка! Ты опять за свое? — Голос учительницы вдруг приобрел холодные металлические нотки. — Сейчас же выйди из класса и подумай о своем поведении!

Наступила тишина. Дети притихли и раскрыли свои учебники.

— Если не пойдешь со мной гулять, я брошу ее тебе за шиворот, — нехотя вставая с места, вполголоса успел припугнуть Олег и понуро вышел в коридор.

Тем временем Пашка — пухленький лопухий мальчишка, — засунув голову под парту, с аппетитом уплетал сладкую булочку.

— Павлик, сорок восемь — половинку просим! — прошептал его сосед по парте Димка привычное детское заклинание, на которое по всем правилам школьного этикета просто нельзя было ответить отказом, и дернул Пашку за рукав.

— Сорок один — ем один, — смачно прочавкал Пашка запрещенную защиту от попрошаек.

— Ты и в прошлый раз не поделился, жадина, — надулся обиженный Димка.

— К доске пойдет Павел. — Голос учительницы прозвучал как приговор.

Павел стряхнул с губ крошки и с недоверием посмотрел на Димку. Чуть подумав, он обернулся и передал недоеденную булку Нине, сидящей у него за спиной.

— Подержи это. Я сейчас вернусь. Только никому не отдавай, — наказал Паша и поплелся к доске.

— Не беспокойся, Пашка. Верну в целости и сохранности, — заверила мальчика Нина и с вождением покосилась на лакомство.

— Назови тему домашнего задания, — не отводя глаз от классного журнала, попросила Анна.

— Первая мировая война и ее причины... — бойко начал Паша, но к концу предложения уверенности в голосе существенно поубавилось.

Он увидел, как его булка стремительно и безвозвратно исчезает во рту у Нины.

— Хорошо, начинай.

Но для Паши война уже началась секунду назад. Он стоял как вкопанный и безмолвно наблюдал за бессовестной одноклассницей.

— Что же ты можешь сообщить нам по этой теме? — голос учительницы на время вывел мальчика из оцепенения.

— Первая мировая война произошла в 1914–1918 годах. Германия к тому времени превратилась в сильное и развитое государство... — промямлил Павел срывающимся голосом.

Невольно взгляд его снова обратился к жующей Нине, и именно тогда мальчик окончательно разуверился в женщинах.

— Первая мировая война произошла в 1914–1918 годах. Германия к тому времени превратилась в сильное и развитое государство... — словно заезженная грампластинка, снова повторил мальчик, чувствуя, как обида переходит в праведный гнев.

— Назови причину, по которой началась Первая мировая война.

Ответ у доски превратился в невыносимую пытку. Тем временем Нина, затолкав в рот последний кусочек, благодарно подмигнула Павлу.

— Что стало причиной Первой мировой войны? — повторила Анна и подняла на Павла глаза.

— Моя булка...

Класс взорвался бурным хохотом. Кто-то даже заплодировал.

— Тишина в классе! Павлик, какое отношение к Первой мировой войне имеет твоя булка? — серьезно спросила Анна, из последних сил сдерживая смех.

Павел покраснел от стыда и, опустив голову, ответил:

— Она съела мою булку.

— Германия? — переспросила Анна и присоединилась к общему хохоту. — Стыдно, Павлик, стыдно. Садись. Два, — все еще улыбаясь, подытожила Анна.

Обделенному Пашке только и оставалось вернуться на свое место, опустив голову.

— Болван! Отдал бы мне булку. Я бы тебе ее целой вернул. — слова Димки, будто соль, сыпались на свежую душевную рану Паши.

— Ты смотри! — удивился Павел.

— О причинах Первой мировой войны у доски расскажет Нина.

Девочка бодрым шагом направилась к доске.

— Германия из отсталого, разрозненного государства превратилась в сильную державу. Сформировалось два блока стран. Англия, Франция и Россия...

Анна с наслаждением слушала бойкую речь ученицы, журчащую, словно родник по каменному руслу. Она нежным взглядом окинула девочку и в очередной раз восхитилась ее старательностью. Глядя на нее, Анна вспоминала себя, отвечающую урок перед строгой классной дамой в такие же юные годы.

Вдруг взгляд Анны задержался на обуви девочки. Это были старые стоптанные сандалии, застежки на которых заменяла грубая проволока. Сердце Анны сдавила жалость. Проводив отца на войну, девочка осталась на попечении старых деда и бабушки, которые едва сводили концы с концами. Через месяц в их семье поселилось горе. Отец Нины Иван погиб в Смоленском сражении, и Нина осталась сиротой. Анна не помнила, чтобы девочка хоть раз кого-нибудь о чем-то просила. Она не жаловалась и не стнала, хотя было видно, что недоедает. Напротив, девочка всегда была весела и приветлива. По-взрослому принимая все лишения военного времени, она старалась помочь семье. Соседи часто видели ее в поле, рядом с дедом собирающей снопы скошенной травы или идущей в лес по грибы и ягоды с бабушкой. Анна всю жизнь мечтала о дочери и теперь с материнской нежностью смотрела на этого ребенка, у которого отняли детство.

— После звонка подойди ко мне, — тихо, чтобы слышала только Нина, сказала Анна.

После уроков в дверь учительской робко постучались. В коридоре послышалось невнятное бормотание, и дверь, жалобно скрипнув, отворилась. На пороге стояла Нина.

— Анна Владимировна, я не просила у него булку. Он сам мне ее дал. Честное пионерское! — слова срывались с уст Нины, перепрыгивая друг через друга. Недавний

родничок превратился в бурную горную речку и теперь несся, с шумом преодолевая препятствия.

Анна с нежностью подняла глаза на Нину и осторожно проговорила:

— Я хочу пойти на рынок. Пойдешь со мной?

На секунду Нина опешила от такого поворота событий, но, быстро опомнившись, радостно вскрикнула:

— Конечно, пойду!

Анна и Нина шли по пыльной сельской дороге. Сентябрьское солнце из последних сил пыталось согреть мир, но было видно, что радоваться последним теплым дням осталось недолго. Природа готовилась к зиме. Всего за одну ночь изумрудно-зеленые деревья окрасились в желтый и бордовый цвета, будто невидимый художник случайно пролил на них яркие краски. Пыльная зелень травы у пруда, возле которого паслись две последние тощие коровы, оставшиеся у колхоза, начинала приобретать бурый оттенок. С соседней улочки навстречу выбежала собака с обломком старой кости в зубах. За ней бежала целая свора худых и облезших псов.

На дороге собралась толпа. В ней едва было различить разгоряченную какой-то новостью женщину и невысокого лысоватого почтальона.

— ...Здесь не может быть ошибки, — спокойно говорил почтальон. — Вот тут написано: Октябрьская улица, дом номер шесть.

Женщина, держа ребенка на руках, зарыдала:

— Люди добрые, да что же это делается, а? Вы слышите? Это пришло не мне! Я же только вчера получила письмо от мужа. Вот оно, посмотрите. Какая похоронка? Откуда?! Сейчас, сейчас... — с этими словами она выудила из кармана домашнего халата замусоленный треугольник письма.

— Смотрите! Вот! Он же мне писал, что все хорошо. Люблю, скучаю. — Женщина срывающимся голосом стала читать строки из письма.

Ожидая поддержки, вдова после каждого слова с надеждой вглядывалась в лица соседок, будто эти слова из письма месячной давности могли кому-то доказать, что муж жив и невредим.

Собравшиеся, опустив головы и переминаясь с ноги на ногу, молчали. Кто-то с сожалением вглядывался в искаженные горем черты женщины. Все было очевидно.

Не найдя поддержки в толпе, отчаявшаяся женщина заметила стоявшую в стороне Анну. Будто бы увидев спасительницу, она с безумными глазами бросилась к ней:

— Прочтите! Вы учительница. Прошу вас, посмотрите. Может, тут неправильно написано? Может, это другой дом номер шесть?

Все знали, что другого дома с номером шесть в их селе не было. На Красногвардейской в шестом доме располагался клуб, а на Пионерской — магазин. Знала и она, но ей нужно было сейчас заручиться в своем безумии чьей-нибудь поддержкой.

Анна с тоской подняла глаза на номер дома под черной табличкой, на которой грязновато-белыми, шелушащимися от времени буквами было написано «Октябрьская», а ниже в черном квадратике так же четко прописана цифра шесть. Учительница медленно перевела взгляд на бумажку, затем на рыдающего ребенка в руках испуганной женщины.

— Я не разберу.

С этими словами Анна вернула похоронку — клочок бумаги, в паре строк сухо сказавший о том, что теперь у них нет ни мужа, ни отца, ни кормильца, ни опоры.

Взяв Нину за руку, Анна засемила прочь. В глазах ее стояли слезы. Она была напугана. Зажмурив глаза, она силилась прогнать мысль о том, что когда-то вот так же и к ней подойдет почтальон и протянет казенное извещение.

На импровизированном рынке, где крестьяне покупали и обменивали нехитрый товар, было всего несколько человек.

Анна быстро прошла по рядам разложенных прямо на земле вещей и остановилась рядом с женщиной, перед которой на расстеленном холщовом мешке стояло около дюжины пар обуви. В куче разного рода сапожек и ботинок она разглядела еще совсем новые туфельки.

— Откуда это у вас? — спросила Анна у торговки.

— А тебе-то что? Мое это, для внучки покупала, — сварливо огрызнулась бабка в синей потрепанной косынке. — Берешь — бери, а коли нет — так иди себе с Богом.

С начала войны были прекращены торговые поставки, в селе начался дефицит. Почуввав это, барыги совсем потеряли совесть и теперь хамили покупателям, не боясь, что товар залежится.

Анна, не обращая внимания на тон торговки, взяла туфли и протянула их Нине.

— Ну-ка надень их, — улыбаясь, попросила она девочку.

— А для кого вы их выбираете?

— Для тебя. Твои-то совсем стоптались!

— Правда? Ой, как здорово! — радостно захлопала в ладоши Нина. — Мне дед давно обещал такие. Только лук вырастет, и он сразу купит.

— Ну, как? Нигде не жмут? — умиляясь счастливым видом Нины, по-матерински спросила Анна, впервые за долгое время испытывая чувство искренней радости.

— Нет, Анна Владимировна. Как раз впору! — и маленькие губки девочки растянулись в счастливой улыбке.

Неожиданно Анна услышала у себя за спиной покашливание. Женщина обернулась и встретилась с суровым взглядом Володи — деда Нины.

— Ты что тут делаешь? — опустив тяжелый взгляд на внучку, спросил дед. — Ты же знаешь, что после школы нужно идти домой.

— Дедушка, смотри, какие красивые туфельки! — восторженно крикнула Нина и демонстративно щелкнула каблукками.

Но реакция деда была неожиданной:

— Вот негодница! Ты где их украла? Немедленно вернись и отдай!

— Ваша внучка ничего не крада. Это я купила ей туфли, — вмешалась Анна, но тут же пожалела об этом.

— Очень даже напрасно! Вас кто об этом просил? Я? Или, может, моя старуха? Или вы получили письмо от моего сына с просьбой: «Купите моей дочке туфли»? — не на шутку разошелся дед. — Я сам прекрасно знаю, что нужно внучке. А вы не лезьте. Лучше бы о своих невестках поволновались. Срамота на всю деревню!

— Не понимаю, при чем тут мои невестки? У них обеих есть туфли, к тому же новые, — не поняла сарказма Анна.

— Я сказал, сними их сейчас же! — повернувшись к Нине, яростно сквозь зубы прошипел дед.

Счастливая улыбка мгновенно растаяла. Нина молча, не поднимая глаз, сняла туфельки и протянула их Анне. С густых черных ресничек сорвались предательские слезинки и упали на горячую землю, тут же рассыпавшись крохотными пыльными шариками.

У Анны прямо руки чесались, стукнуть старика по плешивой голове, но вместо этого она лишь тяжело вздохнула. Тем временем дед, бормоча проклятия, взял внучку за руку и поволок за собой, точно безвольную тряпичную куклу.

Молча, сгорбившись от незаслуженной обиды, учительница тихо брела домой, лишь изредка передергивая плечами. Тяжелые, словно капли проливного дождя, сле-

зы катились по ее впалым щекам. Станным образом этот безмолвный плач принес ей облегчение.

На село опустились сумерки, и в узоре причудливых теней Анна не сразу заметила черную фигуру Виктора, опирающегося на ее забор. Чуть дальше в дверном проеме увидела она своих невесток. Было ясно, что они только что распрощались с Виктором, и он провожал взглядом уходящих женщин.

— Виктор? Позволю себе спросить, чем обязаны столь позднему визиту? — издаleка спросила Анна.

— Здравствуйте, Анна Владимировна. Как вы? Сердце не пошаливает? — застигнутый врасплох, зачистил фельдшер.

Анна невольно обратила внимание на губы Виктора. Рот сельского фельдшера показался ей неестественно большим, Анна представила, что в него легко проходит довольно крупная картошка, и заулыбалась.

— Здравствуйте. У меня все в порядке. Так что же привело вас к нам?

Виктор, замешкавшись, взглянул на небо. Казалось, он пытался в глубинах космоса найти ответ на простой вопрос. Манерно отирая пот со лба, он заявил:

— Да просто проходил мимо. Зашел спросить, нет ли весточек от сыновей? — Довольный собой, он бесстыже уставился на Анну.

— Никаких весточек. Господи, спаси и сохрани их! Эта война уже всю душу измотала! Когда же она закончится? — вздохнув, проговорила Анна и открыла калитку. — Спасибо, что интересуетесь.

— Я надеюсь, что ваши сыновья скоро вернуться. Хотя кто знает, война беспощадна, — На последней фразе Виктор бросил взгляд в сторону скрывшейся в доме Маргариты.

Глава 5. Молоко

Утро звало к новой жизни. Нужно было пережить еще один день в тревожном и беспощадном мире. Такое яркое и солнечное утро на время давало забыть о пролитой крови, о боях и лишениях. Анна, проснувшись, лежала в своей постели. У нее был свой секрет счастья в эти нелегкие времена. Она заметила, что если сразу после пробуждения не открывать глаза, то все вокруг кажется прежним. Солнечный свет пробивался сквозь в окно, со двора доносились крики петухов, а ветерок мирно шелестел листвой. Но неотвратимо приближалась минута, когда, подняв тяжелые веки, надо было снова встречать страшный оскал военного времени.

День в школе прошел так же суматошно, как обычно в младших классах. Но сегодня не было Нины. Анна смотрела на пустую парту девочки и с грустью вспоминала вчерашний инцидент.

После уроков Анна осталась в школе проверить тетради учеников. В тишине класса раздавалось размеренное тиканье старых настенных часов. Корявые буквы в детских тетрадках вскоре выстроились в одну сплошную пляшущую линию, все вокруг расплылось в густой дымке, и Анна, положив голову на руки, уснула прямо на рабочем столе.

Улыбающийся и жизнерадостный как всегда, Яков успокаивал:

— Однажды ты, возвращаясь из школы, услышишь голос старого пианино. Ты поймешь, что мы вернулись, мама, — последнее слово прозвучало как-то издаleка, сын исчез, а с ним растворилось и туманное облако сна.

Анна, вздрогнув, проснулась.

«Неспроста это, сон в руку», — тревожно подумала она и снова провалилась в густую дымку, но слышала уже голос второго сына, Михаила:

— Если же пианино расстроится, добра не жди...

Вздвогнув, Анна проснулась и вдруг поняла, что разбудил ее не зловещий таинственный наказ сына, а фальшивые ноты в звучании ее любимой композиции Моцарта — «Lacrimosa».

Анна не понимала, как оказалась дома. Вокруг царил полумрак. Бросив взгляд в окно, она отметила, что на улице светло и солнечно, но этот свет почему-то не попадает в комнату. Непонятная тревога вдруг овладела всем ее существом, словно чья-то невидимая рука сковала ее сердце и сжимала все сильнее, распространяя по клеточкам практически осязаемую, щемящую боль... Анна медленно прошла в комнату, где стояли обеденный стол и старое пианино. Несмотря на то, что она пробиралась туда на цыпочках, боясь даже дышать, чтобы не пропустить ни одного звука, не создать ни шороха, ни скрипа половиц, каждый шаг гулким эхом гремел в пустом коридоре. Анна попыталась прислушаться к себе и поняла, что идет она напрямик к старому пианино. И это открытие превратило смутную тревогу в необъятный панический страх. Анна хотела выбежать из комнаты, но с ужасом заметила, что с каждым шагом удаляясь от пианино, она все быстрее приближается к нему.

И вот Анна оказалась прямо перед музыкальным инструментом, который в полумраке комнаты зловеще блестит глянцевыми боками. Рука сама потянулась к крышке. Еще секунда, и пальцы ощутили неестественный холод дерева. Анна, дрожа всем телом, медленно стала поднимать крышку и вдруг поняла, что это на самом деле крышка гроба. У Анны перехватило дыхание. При виде сына в разорванной гимнастерке и с окровавленными ранами на теле Анна почувствовала, как пространство сжимается до размеров могильной ямы.

Женщина вскрикнула и, окончательно проснувшись, обнаружила себя в пустом классе. Сердце бешено колотилось, и его громкий стук гулко отдавался в ушах. Анна выбежала из школы и, позабыв о приличиях, со всех ног понеслась к дому.

Задыхаясь, Анна резким движением распахнула двери и влетела в комнату.

Крышка пианино была закрыта. На ней лежало несколько золотых кленовых звездочек размером с ладонь. То ли ветер-сорванец, расшалившись, распахнул окно и передал учительнице осенний привет, то ли дочка Маргариты собирала букет для гербария, но по детской беззаботности оставила его здесь, увлеченная новой идеей...

Анна вздохнула, и ища опоры, сползла по дверному косяку на дощатый пол. Чуть отдышавшись, она встала. Прислушиваясь к скрипу половиц, который уже не казался ей таким жутким, медленно и спокойно открыла она крышку знакомого инструмента. Затем дрожащими пальцами нажала несколько клавиш. Звуки, рожденные клавишными молоточками, были идеально верны.

— Удивительно! Как же оно не расстроилось, если на нем так долго никто не играл? — изумленно и радостно вытерла она сорвавшуюся с ресниц слезу.

* * *

Очередное утро началось с того, что в дверь кто-то нетерпеливо постучал. Анна поспешила открыть и увидела перед собой плачущего ребенка. На пороге в серой, перепачканной чернилами маечке стоял Миша.

— Тетя Аня, отцу плохо. Хотели вызвать фельдшера, но папа запретил, — гнусавя и размазывая по щекам вязкую юшку, начал Миша. — Сказал, чтобы ноги этого подлеца не было у нас дома. Из соседней деревни вызвали врача. Он прописал папе молоко, а у нас ни коровки, ни козочки...

— Не плачь, малыш, — остановила его учительница. — Это дело поправимое. В деревне у многих есть скотина. Сейчас вместе найдем. Ты только не плачь! — Анна набросила на плечи платок и вышла из дома.

Раздраженно кляня все, на чем свет стоит, Наталья подметала двор. Анна вспомнила: именно ей посреди дороги вручили тогда похоронку. На заборе белой краской аккуратно было выведено: «№ 6». На крыльце сидела полураздетая девочка, которая беспрестанно плакала и просила есть. Наконец вдова не выдержала и, тряся метлой, закричала ребенку:

— Есть хочу, есть!.. А метлой по спине не хочешь? Где я тебе возьму? У нас и скотины нет! Один был козел, да и того с винтовкой на фронт отправили. Говорила я ему: дома сиди, пропадем мы без кормильца, Василь...

На ее глаза навернулись слезы. Выронив метлу, женщина обессиленно опустилась на траву и закрыла лицо руками, из-под ладоней закапали прозрачные дождевики. Малышка подошла к ней и осторожно позвала ее, пытаясь убрать детскими ручонками мокрые материнские ладони от заплаканного лица. Мать судорожно обняла дочку, а та только крикнула в ее объятиях: «Есть хочу!» По пшеничным волосикам скользнули нежно и властно материнские руки, приподняли личико за подбородок. Глядя в широко распахнутые васильковые глаза, обведенные густой тенью голода на бескровном личике, мать скоро запричитала:

— Да где ж я тебе возьму, миленькая моя? Где я тебе возьму?

Они прижались друг к другу и заголосили так тоскливо и обреченно, что Анна поспешила отойти от несчастливого двора, словно боясь заразиться какой-то страшной болезнью вроде бубонной чумы. Вдвоем они направились в сторону дома Тимофея.

Маленький мальчик, держа в руках кувшинчик с молоком, стоял рядом с привязанной к дереву коровой. Тимофей — огромный мужик, которого издалека можно было легко принять за довольно крупный холм, курил тут же, сидя на табуретке. Его вечно ухмыляющееся лицо сейчас выражало крайнюю степень умиления.

Анна, встречая этого богатыря, всегда удивлялась, что его не забрали на фронт. Ведь кому сражаться, если не этому верзиле? Впрочем, ходили недобрые слухи, что, дав на лапу кому следует, он получил справку о какой-то загадочной хвори. Как бы там ни было, Анна недолюбливала Тимофея за то, что ее сыновья служили, а он нет.

— Доброе утро, сосед, — вкрадчиво, как того требовала ситуация, начала Анна.

— Доброе утро, Анна Владимировна, — в тон ей ответил Тимофей.

— Как ваши дела?

— Ха! Как на войне! — балагурил весельчак.

— Понимаете, — тщательно подбирая слова, начала было Анна. — У нас раненый. Ему доктор молоко прописал...

Тимофей бросил на мальчика быстрый взгляд, и ребенок, смекнув, стал торопливо пить из кувшина. Почти захлебываясь, но не роняя ни капли, мальчишка через силу осушил посудину и, насупившись, посмотрел на незваных гостей.

— Сейчас молоко на вес золота. Видели, что делается? — довольный сообразительностью хлопца, указал на сына Тимофей. — Для него корова сейчас милее матери. Она его кормит. Да ведь больше и питаться нечем! Нет же ничего!

Застыв в ухмылке, Тимофей, казалось, забыл о гостях, восторженно глядя на сына, собирающего языком с губ белые усы.

— Он и стишок про молоко сочинил. Ну-ка расскажи гостям, — умиляясь, кивнул мальчишке Тимофей.

— Молоко для меня и вода, и мука... Что мне ваша война? Дайте мне молока! — невнятно пробормотал мальчишка, чем вызвал громкий и раскатистый смех Тимофея.

— Видали? Он у меня скоро будет мычать, как теленок, — прокричал гордый отец вслед удаляющимся попрошайкам.

К дому Елены Анна и Миша шли молча. Во дворе было пустынно и тихо. Давно не правленный забор покосился и, из последних сил держась на ржавых гвоздях,

мог упасть в любую минуту. На крыльчке, свернувшись клубком, дремала худющая кошка. Когда-то ухоженный двор теперь порос бурьяном и крапивой. Вокруг стояла гнетущая тишина, и казалось, что даже вездесущий ветер сторонится этого угрюмого места.

— Тетя Лена! — позвал Миша.

Вытирая о передник руки, Елена вышла на крыльцо и увидела гостей.

— Анна Владимировна, проходите. Что ж в дверях стоите?

— Здравствуй, Леночка, — ободренная теплым приемом, заторопилась учительница. — Мы к тебе не в гости, а по делу... Нам бы молока...

— За молоком? — еще больше удивилась Лена.

— Нам бы только одну крыночку для раненого солдата, — умоляюще произнесла Анна.

Поправив косынку, хозяйка спустилась во двор по скрипучей лестнице. Глянув на Анну, она хотела было что-то сказать, но осеклась и с тяжелым сердцем направилась на задний двор, где в полумраке сарая стояла тощая корова — единственная кормилица всей семьи.

— Сейчас посмотрю, — обреченно сказала хозяйка. — Ну-ка дайте мне вашу посудину.

Взяв кувшин, Лена скрылась в сарае за прикрытой дверью. Анна уже представляла, как из вымени брызжет струя белой жидкости и, обрамленная пузырьками белой пенки, быстро наполняет кувшин. Она улыбнулась стоящему рядом мальчику и нетерпеливо глянула на прикрытую дверь. Через несколько минут из сарая вышла Лена с пустым кувшином и, отводя глаза, проговорила:

— Я бы рада, но... нет молока.

— Нет? — учительница на мгновение онемела, но скоро нашла в себе силы выпалить скороговоркой: — Извини за беспокойство... До свидания.

Близился вечер. Прохладные сумерки разноголосой пеленой укрывали деревню. Где-то залаяла собака, и тут же лай, подхваченный целой сворой, неровным, но громким хором разлился по округе. Чуть поодаль задребезжало пустое ведро — кто-то вошел у колодца. В одном из освещенных окон играл патефон и плакал ребенок.

Анна и Миша возвращались с пустыми руками. Туман белым ковром расстился под ногами, пушистыми комьями заполняя разбитые сельские дороги и мрачную пустоту деревенских окраин.

— Не огорчайся, Миша, завтра что-нибудь придумаем, — ласково, по-матерински, прошептала мальчику Анна у своей калитки, пытаясь скрыть от него неуверенность в голосе. — Подожди меня здесь, — добавила она и почти бегом исчезла в доме.

Там она быстро спустилась в подвал и, набрав в подол несколько сморщенных картофелин — добрую половину своих запасов, — вернулась к мальчику.

— На держи... — с этими словами Анна сунула Мишке в карманы картошку. — Не волнуйся, завтра обязательно добудем Василию молоко.

Нежно-розовый рассвет окрасил ночное небо. Под его лучами разноцветными искорками заиграли на траве капли росы — следы ушедшей ночи. В домах закипели утренние заботы. Хозяйки накрывали подушки белоснежной ажурной кисеи, гремели посудой на кухне, а самые счастливые кормили скотину в сараях. Солнце кралось по небосклону диким зверем, замороженно наблюдавшим за своей добычей. Оно ярко освещало крыши ветхих строений и верхушки деревьев, опьяняя все вокруг еще одним глотком надежды. Широкое поле созревающих подсолнухов тут же оживало и поворачивало к вечному светилу свои рыжие мордашки. В свежести солнечного утра грязные улицы теперь не казались изувеченными, а покосившиеся дома смотрелись еще

вполне надежным жилищем. Даже псы-доходяги, на боках которых несложно было пересчитать все ребра, весело махали плешивыми хвостами, встречая новый день.

Война была беспощадна. Каждый день она уносила тысячи жизней, но утром казалась такой далекой и фантастической, словно злой гений специально выдумал ее в надежде отомстить крестьянам за их безмятежное счастье. Невозможно было поверить, что в такое прекрасное утро где-то погибали и получали увечья. И если бы не похоронки, которые приходили с завидным постоянством, можно было бы совсем о ней забыть.

Заглянувшие в окошко лучи рассветного солнца разбудили Василия. Тяжело поднявшись со смятой постели, раненый солдат подошел к окну и с удивлением заметил два кувшина, стоящих на подоконнике. Он осторожно потянул к себе створку окна и мгновенно ощутил почти забытый, но такой родной запах свежего парного молока.

— Лида! Лид... поди-ка сюда, — боясь моргнуть, позвал Василий.

Сонная жена застыла на пороге с распахнутыми от удивления глазами.

— Это кто принес? — спросил Василий, указывая на кувшины.

— Не понимаю, откуда они могли взяться, — ответила Лида, удивившись больше мужа. — Может, это твоя мама?

— Не брешь, Лидка. Откуда у нее молоко? Может, Мишка? Паразит такой! Украл небось?

— Да полно тебе, Вась. Он с утра в школу пошел.

— Не сама же корова подоилась и принесла? — бормотал удивленный солдат, ошупывая кувшины.

Глава 6. Отчаяние

Время потянулось однообразным мутным потоком, в котором ожидание, борьба за жизнь и страх сплелись в один большой клубок. Сводки с фронта становились все короче, а радостных новостей в них было все меньше. Надежда на скорый конец войны рассеивалась. Единственной радостью для жителей деревни стала еда, которую еще удавалось найти. Картофелина теперь ценилась куда больше несъедобного золота. Урожай подсолнухов был собран и передан государству, и теперь поле было сплошь покрыто гниющими стеблями растений. Опустевшее мертвое поле, когда-то усеянное золотыми коронами жизнерадостных цветов, поворачивавших прекрасные головки вслед за солнцем, а теперь обезглавленных, отражал пустоту и безысходность в настроениях людей.

Стоя на перроне, Анна смотрела на остатки догнивающих подсолнухов. Холодный ветер приближающейся зимы шелестел сухими стеблями и гнал перед собой опавшую листву. Рядом с учительницей, кутаясь в старенькие платки и отцовские ватники, стояли школьники. Вдруг издалека донесся гудок поезда. Еще через минуту на горизонте появился локомотив. Это был товарный состав, перевозивший подбитую на фронте бронетехнику. Через некоторое время, к радости детворы, состав на несколько минут остановился у перрона. Тут же к вагонам, подтягивая штанины и загребая сандалиями мелкие камешки, стали сбегаться дети:

— Смотрите, это же немецкие танки.

— Это наши их подбили, — подхватил Миша.

— Смотрите, ребята, это самолет. — Нина указала пальцем на искореженную кучу металла, из которого торчали два крыла.

— Да, это... как его... это «мистершмитт». В них нужно стрелять, когда они пролетают низко над землей, — вспомнил Павел.

— А ты откуда знаешь? — спросила, хихикнув, Нина.

— Как это откуда? Батяка в письме писал. И прислал фотографию с подбитым самолетом. Это он сам подбил! — И Павел обвел взглядом детей, готовый убить любого из них, кто посмеет усомниться в этом.

— Он что, летчик? — не отставала Нина.

— Нет. Он... он связист.

Анна слушала разговоры детей, и горькая слеза катилась по ее щеке. Было невыносимо осознавать, что большая часть их останется сиротами и далеко не каждому из них суждено дожить до конца войны. Сердце Анны сжималось от этой мысли. В тысячный раз она давала себе клятву всеми способами помочь им одолеть это тяжкое время.

Состав тронулся, и дети наперегонки побежали в сторону деревни. Анна, погруженная в раздумья, смотрела вслед уходящему поезду. Стук колес уносил ее в тот день, когда она проводила своих детей. С тех пор было лишь два письма, вслед за которыми пришла тяжелая, тревожная пустота. Материнское сердце рисовало ужасы войны и тут же силой воли отгоняло их подальше. Эта постоянная борьба вымотала ее до предела, практически доводя до безумия в долгие ночные часы. Каждый шорох в ночи ей казался осторожной поступью сына, любой окрик на улице заставлял вздрогнуть и обернуться на зов «мама», слышавшийся ей в каждом звуке.

Гудок следующего поезда удивил Анну своей мелодичностью. Как-то неестественно бесшумно остановившись у перрона, белоснежный поезд откашлялся клубами розового пара и стал похож на кораблик из детских книжек. В поезде заиграл военный оркестр, и под бравурную мелодию из вагона выпрыгнул Михаил. Он положил вещмешок на землю и, помахав поезду, оглянулся вокруг. Анна тонула в клубах розоватого дыма и не могла ни пошевелиться, ни вздохнуть. Она лишь изумленно смотрела на здорового и невредимого сына, который пытался что-то разглядеть вдалеке. Наконец Анна, совладав с собой, сначала медленно, а потом все быстрее побежала к сыну. Рыдая от счастья, она широко расставила руки, чтобы обнять сына и никогда больше не отпускать. Сердце бешено колотилось в груди, грозя сию же секунду выпрыгнуть из груди от радости.

— Мишка, сынок! — крикнула она что есть мочи, уже подбегая к сыну.

Тот оглянулся на голос и, заметив мать, рассмеялся. Быстро надев очки, он сказал:

— Мама, ты что? Я же Яков.

В ту же секунду налетевший ветер с конским ржанием окутал Якова серой пеленой и рассеял придорожной пылью. Анна рванулась вперед, пытаясь удержать сына...

— Тпру, окаянная! — послышался голос Степана.

Извозчик с силой натянул поводья.

— Куда прешь, ненормальная!? Что, жить надоело? Чего под лошадь бросаешься-то?

Анна, будто очнувшись ото сна, стояла посреди дороги перед груженной дровами телегой.

Степан, узнав в ошалевшей женщине сельскую учительницу, стал более вежлив:

— Кому вы кричали-то? Там же нет никого! — Степан подозрительно смотрел на Анну.

— Извините ради бога, просто невнимательно переходила дорогу. А я звала кого-то?

Степан снял шапку и печально проворчал:

— Э-эх, война... Всем сейчас тяжело. И как земля носит этого Гитлера? Все уже свихнулись, а ему хоть бы что! — старик, кряхтя, слез с повозки и отпустил лошадь погастись.

— Все нынче остановилось. В этом году хотел внучку отдать в балетную школу. Знаете... года три тому назад был в Москве в красивом театре с четырьмя лошадьми на крыше. Я туда молоко в буфет отвозил, да дверь перепутал и увидел, как танцуют

балерины. Они порхали в беленьких юбочках, как бабочки-капустницы. Ей-богу, ничего красивее в своей жизни не видел! Детям рассказал, и решили внучку в специальную балетную школу отдать, чтоб она научилась так же красиво танцевать. А тут совсем недавно, как назло, всех учителей, артистов вместе с декорациями перевезли в Куйбышев. Я продал одну лошадь и на вырученные деньги заказал внучке белый балетный костюм. Эта... как ее... пачка называется! И почему «пачка»? Придумают же... ну, да ладно. Иногда прошу внучку, чтобы она надела эту пачку и немного поплясала. Но у нее все равно так не получается... — улыбнулся Степан, мечтательно глядя куда-то вдаль.

— Нужно просто переждать, все наладится.

Слова Анны вызвали у старика печальную улыбку.

— У меня остается все меньше времени на ожидание, — вымолвил Степан и пошел к лошади.

— Не могли бы вы подвезти меня? — спросила Анна.

— Баба с возу — кобыле легче! — пошутил Степан, но тут же добавил: — Да шучу, шучу я. Залезайте.

День клонился к вечеру, укрывая повседневную суету звездным одеялом. Наступила долгожданная ночь, дарящая обездоленным крестьянам долгожданное забвение. Она уносила в тот волшебный мир, где жизнь текла по-прежнему, в которой не было ни войны, ни смертей, ни голода. Сон дарил несколько часов счастья и безмятежности, где родные и любимые еще были рядом. Незаметные, но все еще крепкие семейные узы опутывали всех сельских жителей.

Было около полуночи, когда женский крик разбудил Анну. Она встала с постели и подошла к окну. По проселочной дороге, сняв шапку, понуро брел почтальон.

«Боже! Из каждого дома, куда приходит похоронка, слышатся крики, — подумала Анна. — Они почище любого снаряда бомбят наше село».

Утро началось колокольным звоном. По центральной улице шел бригадир, после мобилизации председателя исполняющий его обязанности, и звал на собрание. Его неизменный кушак, без которого он никуда не выходил, словно алый парус, был виден за версту.

— Все на собрание. Костя, опять почки прихватили? Что-то к каждому собранию прихватывают!

Из открытого окна дома донесся голос:

— Кости нет дома.

— Значит, не идешь, да? Ладно, я с тобой позже по-другому поговорю, — пригрозил бригадир и пошел дальше.

— Таня, скажи мужу, чтоб отправлялся на собрание. Возьми его за руку и притащи в клуб.

— Анна Владимировна, не опаздывайте.

Места в сельском клубе постепенно заполнялись стариками и женщинами. Кое-где в проходах сновали дети, которых матери в силу возраста или беспокойного характера побоялись оставить без присмотра. На сцене возвышался длинный стол, покрытый кумачовой скатертью. Два графина с водой и граненый стакан венчали этот символ партсобрания. На стене за президиумом висели две картины. На одном из полотен в полный рост был изображен вождь мирового пролетариата Владимир Ленин. Победно вскинув руку со стиснутым кулаком и сведя брови, он, озаренный идеей коммунизма, смотрел прямо на вторую картину, запечатлевшую Иосифа Сталина. Верховный Главнокомандующий был чем-то недоволен и укоризненно глядел на собравшихся, вызывая неосозанный трепет. Анне на мгновение показалось, что Ленин

отчитывает Сталина за невыполненную задачу, а тот в свою очередь грозит выместить злобу на крестьянах.

Миша, побродив между рядами, подсел к Анне.

— Анна Владимировна, правда, похоже на наш класс?

— Верно, Миша, только за партами тут курят и шумят, и их за это не выгонишь, — пошутила Анна.

Бригадир открыл собрание:

— Товарищи! Прошедший год стал для всех тяжелым испытанием. Мы должны понимать, что наша страна находится в состоянии войны. Я собрал вас, чтобы вместе подумать, чем мы можем помочь фронту, — важно произнес бригадир и налил себе в стакан воды.

— Кончай трепаться, говори по делу! — послышался старческий гнусавый голос из зала.

Бригадир прокашлялся, выпил воды и с громким стуком поставил стакан на стол.

— Товарищи, мы должны помочь фронту, как можем. Солдатам нужно все: от вя-занных носков до охотничьей двустволки.

— Кто бы нам помог? — снова послышался голос из зала. — И так с голоду пухнем, а им все неймется.

Анна встала со своего места:

— Я связала две пары теплых носков. Если надо, еще свяжу. Куда принести?

— Спасибо, Анна Владимировна, несите завтра в сельсовет.

— А лук нужен? — послышался дребезжащий голос из задних рядов. — Вот как лук уродится, так сразу принесу целый мешок.

— Граждане, я попрошу у меня ничего не требовать, — раздался голос Тимофея с передних рядов. — Не я начинал войну, и не мне за нее расплачиваться.

В зале поднялся гул.

— К тому же у меня, кроме старой коровы, ничего не осталось, — уже поднявшись со своего места и стараясь перекричать зал, продолжал Тимофей. — Да и у той молока нет. Продаю из дома последнее, чтоб как-то прожить.

— Ага, как же! У тебя зимой снега не допросишься!

— Чтоб ты провалился сквозь землю, бессовестный ты человек! — вещал все тот же недовольный гнусавый голос.

Анна вспылила:

— Да как вам не стыдно?! Вы закупаете в райцентре продукты, а потом перепродаете у нас в селе втридорога. Пожалели бы людей. Последнее ведь отдают. Ни стыда у вас, ни совести!

— Анна Владимировна, это мое личное дело. Не силой же я заставляю их платить. А о совести не вам судить. После того как вы ко мне за молоком пришли, моя буренка вдруг доиться перестала. Уж не вы ли тайком доите мою корову? — попытался сменить тему Тимофей.

Гул в зале замолк, и стало понятно, что от Анны ждут ответа. Анна словно онемела. Она замерла под любопытными взглядами односельчан.

— Ну, что воды в рот набрали, Анна Владимировна? — прервал затянувшееся молчание бригадир. — Отвечайте перед товарищами.

Анна густо покраснела, ей стало трудно дышать. Никогда еще ей не было так стыдно. Уважаемая учительница преклонных лет обвинялась в воровстве. Она готова была провалиться сквозь землю, чтобы только не видеть этих внимательных глаз. Вопрос оставался без ответа, и масла в огонь решила подлить скромная Елена.

— Да, я тоже расскажу про свою корову. Только не знаю, с чего начать. — Она поднялась с места, смущенно глядя куда-то в пол.

— Начинай с рогов. У нас в деревне много рогоносцев. Хорошо, что они сами об этом не знают, — продолжал веселить присутствующих гнусавый голос.

Отдельные смешки перешли в откровенный хохот, а некоторые из сидящих издевательски повернулись к Анне.

— Тихо, товарищи, — гаркнул по-хозяйски Тимофей. — Мы должны знать, кто ворует молоко у советских коров.

Смех в зале усилился, и собрание стало походить на балаган.

— Послушай, Тимофей. Если ты такой умный, то почему не сидишь на моем месте? Я и сам могу утихомирить собрание. А ты сиди и помалкивай, если не спрашивают! Отсохни твой язык! — перегнувшись через стол, с досадой обратился бригадир к Тимофею.

С задних рядов встал Василий и, натужно кашляя и хромя, прошел к президиуму. Хриплый клекот в горле заставил ряды утихнуть.

— Дайте кто-нибудь прикурить, — попросил Василий.

Тимофей чиркнул спичкой.

— Тут вот какое дело, — размеренно, сильным голосом, начал Василий. — Каждое утро я встаю и вижу на своем окне кувшин молока. Откуда оно берется, я не знаю. В хозяйстве у нас скотины нет. И я до сих пор не понимаю, кто приносит его для меня.

— Ага, ври больше! Само собой, что ли? А почему нам никто его не приносит? — удивился Тимофей.

— Ни хрена себе! Слушай, может, поменяемся домами? — присвистнул гнусавый голос из зала.

— Тихо, товарищи. Высказывайтесь по существу. Кто приносит Василию молоко? Ну, смелее? Кто это делает, пусть выйдет сюда, — громогласно потребовал бригадир.

В этот момент окно клуба со скрипом распахнулось, и в него осторожно просунулась однорогая коровья голова. Она внимательно оглядела собрание и раскрыла рот, словно решила поучаствовать в дискуссии, но по своей коровьей медлительности не успела поймать мелькнувшую в голове мысль, поэтому, облизав ноздрю, удалилась.

— А вот и пострадавшая явилась собственной персоной. Проходите, уважаемая, на трибуну и поясните присутствующим, кто имел доступ к вашему, так сказать, телу без ведома хозяев, — крикнул все тот же голос, и зал снова разразился дружным хохотом.

Бригадир постучал стаканом по графину.

— Тихо, тихо. Чья это корова?

— Это моя Зорька, — засуетилась Елена, выбегая из зала.

— Скотина гуляет где попало, вот ее и доит, кто хочет. Потом хозяева бучу поднимают, что, мол, найдите и накажите вора. Товарищи, следите за своим хозяйством! — развел руками бригадир.

Сидящие снова обратили свои взгляды на Анну. Женщина, все так же опустив голову, стояла посередине зала. Она вспомнила, как когда-то в институте она так же, снедаемая стыдом, стояла перед классной дамой, которая отчитывала ее за мелкий проступок. Ожидание всеобщего осуждения давило на грудь, мешая сделать хоть один вдох. Мысли о последующих толках и пересудах сжимали сердце. Этому нужно было положить конец и все рассказать, а там будь что будет. Лишь бы она оставалась честна до конца.

— Товарищи, позвольте мне сказать! — выпалила Анна. — Коров доила я.

По рядам прошелся гул. Шутка ли? Уважаемая учительница в свободное от работы время ворует молоко честных односельчан. Это же такая тема для сплетен и пересудов!

— Я все объясню!

И Анна начала свое незатейливое повествование о том, как они с Мишей искали молока по назначению врача, но так и остались ни с чем.

— Я понимала, что никто не оторвет от сердца, ведь сейчас всем трудно. Но Василий должен поправиться. Ему ведь скоро опять на фронт, и он будет защищать нас: вас, вас, и даже вас, Тимофей! — Анна поочередно показывала на присутствующих. Щеки ее пылали, глаза блестели готовыми сорваться слезинками, но ощущение собственной правоты удерживало их. К концу своей речи пожилая учительница почти кричала.

Зал притих и внимательно слушал женщину, которая говорила о простых истинах.

— Я хочу сказать, — после паузы и уже значительно сбавив тон, продолжила Анна, — что ни капли из того молока я не взяла себе. Оно все досталось нашему раненому солдату. И я ни капли не стыжусь своего поступка! Мои сыновья сейчас тоже воюют... и если... если...

Ее пламенную речь прервал на полуслове предательски сдавивший горло комок, и слезы наконец сорвались и потекли по бледным ввалившимся щекам. Закрыв лицо руками, она упала обратно в кресло.

Повисла гнетущая тишина. Через пару секунд раздался скрип стареньких деревянных кресел, и одобрителный шепот заполнил зал.

— Мишка, а что ты сразу ко мне не пришел? Я б тебе в два счета нашел бы целых десять литров молока... — гаркнул Тимофей первым, на что гнусавый голос из зала возразил:

— Интересно, какую бы цену ты за него заломил?! Чтоб пропала башка твоя непутевая!

Зал осуждающе загудел.

— Все понятно! — подытожил бригадир. — Анна Владимировна ни в чем не виновата. Она все правильно сделала. Мы должны беречь наших солдат. И один из наших защитников — это Василий. Слава Красной армии!

В конце фразы бригадир вскочил и стал хлопать стоящему за трибуной больному солдату, но, видя, что его никто не поддерживает, так же быстро сел.

Справившись с кашлем, Василий обратился к залу:

— Я не нуждаюсь ни в чьей поддержке. Я и сам прекрасно справляюсь. А от вас, Анна Владимировна, я такого не ожидал. Наши дети берут с вас пример, а вы их учите воровству. Как бы там ни было, это воровство!

— Согласен! Товарищи, до каких пор мы это будем терпеть? — вскочив со своего места и обернувшись к залу, крикнул Тимофей.

Василий бросил на Тимофея гневный взгляд, под тяжестью которого тот мигом вернулся на свое место.

— Анна Владимировна, я еще раз повторяю: не надо за меня переживать. Побеспокойтесь лучше о своих невестках. А я и без вашей помощи прекрасно обхожусь.

— А что мне о них беспокоиться? Они здоровы, слава богу!

Виктор, сидевший в задних рядах с Ольгой и Маргаритой, встал и, просочившись сквозь толпу, выскользнул на улицу.

— Василий, здесь не место для таких разговоров. У нас в селе и так хватает сплетен и пересудов. Ты же не с бабами на завалинке сидишь! — оборвал его бригадир.

— Итак, товарищи, завтра с девяти часов утра я буду в сельсовете. Пусть каждый принесет все, что сможет. Да, чуть не забыл. После собрания будет фильм про войну. Не расходитесь. Я объявляю собрание закрытым.

Бригадир смачно закурил и крикнул сидящему в конце зала киномеханику:

— Ну что? Готово? Запускай.

В зале погас свет, и по белой облупленной стене сельского клуба побежали черно-белые кадры. С экрана глядели полные боли глаза перевязанных грязными бинтами солдат, и каждый мысленно дополнял звуками грохот взрывов и дружное «Ура!» бе-

гущего в бой строя освободителей и защитников родины, среди которых, быть может, был чей-то кум, брат, сват, сын, муж...

Глава 7. Ожидание

Темнота защитила от любопытных глаз сгорбленную фигуру Анны Владимировны. Тяжелые соленые капли с тихим всплеском падали на деревянный пол. Ночь снова разбудила в истерзанном сердце тревогу и удушливое одиночество.

Анна склонилась над фотографией, с которой ей улыбались два мальчугана-близнеца. Она закрыла глаза, и картины прошлого снова поплыли перед глазами, сменяя друг друга...

В ярком солнечном свете за сараем что-то зашевелилось в копне душистого сена... «Нашла!» — звонко крикнула Анна, утирая выступившие из-под платка на лбу градинки пота. Словно ужаленный, из копны пулей выскочил взъерошенный малец, угодив прямо в материнские объятия.

Поймав Мишеньку, Анна смеялась, а мальчуган, вдруг прекратил вырываться из цепких объятий, напялил очки и, загадочно растянув губы в щербатой улыбке, сказал:

— Мам, я же Яша, а ты должна найти Мишку.

— Нет, дорогой, меня не проведешь. Ты думаешь, я не отличу собственного сына?

Тут из-за ароматного, пахнущего хозяйственным мылом и ночной свежестью белья, сохнувшего на протянутых через двор веревках, показывался Яков, и они дружно смеялись. Анна обнимала мальчишек, осторожно выбирая из взъерошенных кудряшек солому...

Анна, подняв фотографию, закрыла ею мокрые глаза.

— Дети мои родные! Где, каким ветром вас носит теперь? Сыты, голодны ли?.. Здоровы ли, а может, ранены?.. Ах, лучше уж смерть, чем неизвестность!.. Да и она не спешит, несмотря на голод и лишения... Где же вы, мои хорошие? — вновь и вновь шептала она пересохшими губами.

Дверь скрипнула, и в комнату, протирая сонные глаза, вошла маленькая Рая.

— Малышка, почему не спишь?

— Бабушка, а мой папа на войне тоже кричит «Ура»?

Анна улыбнулась и погладила девочку по волосам.

— Кричит.

Подумав, Рая сказала:

— Мишин папа нам рассказывал, что в кино все неправда и что из-за грохота взрывов ничего не слышно. А солдаты, бывает, и маму зовут. Бабушка, а ему там не холодно?

— Нет, моя хорошая. Он пишет, что там, где он служит, тепло.

Послышалось громкое урчание кошки, уютно устроившейся у печки-буржуйки.

— Смотри, кошка наша уже спит. И тебе тоже пора.

На глаза Анны снова навернулись слезы.

— Ну вот, все меня прогоняют. Вот и мама, когда к нам опять дядя Витя приходил, погнала меня на улице поиграть. А дядю Витю она никогда не прогоняет, если ты в школе, — обиженно прогундосила Рая и, шлепая босыми ногами, пошла спать.

* * *

Утро повеяло прохладным ветерком. Бабье лето подошло к концу, и солнечные лучи скрылись в серой пелене осенних облаков. Василий, Лида и Миша стояли перед окном и во все глаза смотрели на батарею кувшинов, бутылок и кружек с молоком, выстроившихся на их подоконнике.

Василий, потирая лоб, попросил у сына объяснений.

— Пап, это все соседи принесли. Ну, я пошел в школу. — И Миша исчез за забором.

Класс, по обыкновению, шумел и перекрикивался, когда Анна, держа в руках газету, вошла в кабинет. Она прошла к своему столу и, не поздоровавшись с учениками, что говорило о крайней степени ее возмущения, сказала:

— Это дикость! Вы представляете? Заколоть вилами безоружного человека! Это бесчеловечно. Садитесь, ребята.

— Анна Владимировна, — спросил Миша, — а что случилось?

— Тут пишут, что в одной деревне люди забили палками и закололи вилами немецкого пленного солдата.

— Так он же был немцем! — отозвался Павлик.

— Ты хочешь сказать, что немцы не люди? Можно же по-человечески обращаться с пленными! — еще более распалялась Анна. — Да, я согласна. Они наши враги. Они направили оружие на наших отцов и детей, но если мы тоже будем уподобляться животным, то какая разница между нами и фашистами?

— А почему люди воюют? — задал вопрос Миша, но его вопрос так и остался без ответа, так как в этот момент в щель не полностью закрытой двери протиснулась чья-то нога в красивой блестящей туфельке.

Класс замер в изумлении. Изящная розовая обувь, словно магнитом, притянула взгляды всего класса. Через пару секунд дверь распахнулась, и, к удивлению присутствующих, вошла Нина. Она была очень довольна произведенным на одноклассников впечатлением.

Анна подошла к худенькой девочке:

— Ниночка, какие у тебя красивые туфли!

— Спасибо, Анна Владимировна. Я их очень люблю.

Нина сделала шаг навстречу учительнице и в следующее мгновение, потеряв сознание, рухнула на пол.

Все тут же сбежались к лежащей в неестественной позе Нине и принялись приводить ее в чувство.

— Наверное, умерла от счастья! — пошутил кто-то из мальчиков.

— Еще бы! Смотри, какие красивые! — пробубнила Ира, завистливо поглядывая на новенькую обувь.

Нина медленно стала приходить в себя. Напив ее водой, Анна спросила:

— Господи, ты так нас напугала! Что случилось? Ты больна?

— Нет, Анна Владимировна. Не волнуйтесь. Наверное, опять голодный обморок. Так вчера сказал фельдшер. С тех пор как неделю назад дедушка купил мне эти туфли, мы ничего не ели. Дедушка все деньги на них потратил.

— Знаешь что? Приходи сегодня вечером ко мне, я тебя угостить хочу, — предложила Анна. — И вы, ребята, тоже — устроим торжественный ужин.

Холодный ветер собирал с полей опавшую листву и с силой швырял в одиноких прохожих. Пожелтевшие камыши под натиском ветра склонялись к темной ряби пруда, словно приветствуя тяжелую поступь надвигающихся холодов. Голод обострял все чувства в неуютном мире.

Анна шла по разбитой дороге, когда навстречу ей вышел дед Володя с вязанкой хвороста на спине. Когда-то он был душой любой компании: весельчак, балагур, в его руках любая работа спорилась. Но теперь легкая поступь сменилась сгорбленным старческим шарканьем, руки едва могли удержать клюку, глаза давно перестали верно выбирать дороги, которые постепенно перепутали свое направление... Иногда казалось, что за ним тянется след сухой трухи, подобно той, что засушливым летом ворошили в прогнивших пнях сельские ребятишки.

— Как себя чувствует мой сосед? — как можно бодрее спросила Анна.

— А как я должен себя чувствовать? Как трухлявый пенек... — не в тон обреченно ответил ей старик. — И вроде я есть, а жизни во мне нет.

— Сегодня по радио передали, что наши опять отступают.

— А мне уже все равно, — глядя в землю, начал старик. — Сынок мой Ваня, прощаясь, сказал мне, что вернется скоро. Как в воду глядел. Только вместо него вернулась похоронка. Для меня эта война давно закончилась. И жизнь моя закончилась. Нет мне смысла небо коптить. Каждую ночь ложусь с надеждой, что не проснусь. Да видно, Бог забыл обо мне. Не нужен я ему, да и смерти сейчас молодые и сильные по вкусу! Вон их сколько полегло — целый пир ей, ненасытной! Вот и не зарится на старые мои кости.

— Напрасно вы так думаете. Вот увидите, ваш сын еще вернется живым и здоровым. Так ведь бывает. Там ведь тоже люди, могли ошибиться с похоронкой, — ласково сказала Анна.

Из-за угла появилась взъерошенная кошка и молнией пронеслась рядом. За ней, высунув языки, промчались собаки. Добежав до заброшенного сарая, свора потеряла след и разбрелась по двору.

Анна вошла в дом. Унылый желтый свет единственной лампочки давил на глаза. В тускло освещенной комнате Анна заметила Виктора, сидящего за обеденным столом. Маргарита поднесла ему чай.

— Виктор? — поправляя платок, удивилась Анна. — Вы опять здесь? Что привело к нам на этот раз?

— Это я его пригласила. Я себя плохо чувствовала. А Витя... Виктор был так добр, — Маргарита, помедлив, продолжила, — что бесплатно принес мне лекарства. И еще немного масла и сахара.

— А что с тобой? — удивилась Анна. — Еще сегодня утром ты выглядела вполне здоровой.

— Послушай, это тебя не касается! — отрезала Маргарита. — И что ты так рано явилась? Впрочем, это даже хорошо. Ужин сама приготовишь.

— По-моему, я не вовремя пришел, — вставая, пробубнил сельский фельдшер. — Лучше пойду.

— Подожди, я тебя провожу.

Маргарита набросила на плечи платок и, одарив Анну гневным взглядом, проследовала за Виктором.

Анна спустилась в погреб и открыла мешок с картошкой. Когда-то пухлый мешок теперь значительно похудел, навеяв грустные мысли о будущем. Анна задумчиво уставилась на самую большую картофелину и представила, как та растет и превращается в большой камень. Мысленно она взяла этот камень и со всего маху размозжила им голову Виктора. От вида воображаемой крови ей сделалось страшно, и женщина постаралась поскорей отогнать от себя эти мысли.

На часах была полночь, когда во входную дверь громко и настойчиво заколотила чья-то рука. Этот нервный стук не предвещал ничего хорошего. От резкого звука Анна вскрикнула и, поднявшись с кровати, пошла к двери. В другой комнате послышался плач маленькой Раи.

— Кто там? — пересохшими губами прошептала Анна.

— Анна Владимировна, это я, Марина. Мать Василия, — почти прокричал заплаканный голос за дверью.

— Марина? — переспросила Анна, открывая дверь. — Проходи. Что случилось?

Марина, не проходя в дом, затараторила:

— Анна Владимировна, Васеньке опять плохо. Даже не знаю, что делать. Вчера наконец-то приехал врач из райцентра. Он послушал Васю и сказал, что у него туберкулез. Марина снова разрыдалась.

— Хватит реветь. Толком расскажи, что врач назначил.

Кое-как совладав с собой, Марина продолжила:

— Васька после этого сразу сник. Со вчерашнего дня не встает с постели. И рана у него не заживает. Лежит и кашляет кровью. Смотреть на него не могу, сердце разрывается. Господи, не знаю, что делать.

— Подожди, сейчас оденусь только.

Две женщины побежали по темной улице к дому Василия. Луна скрылась за тяжелыми тучами, вокруг царил кромешная мгла, и поэтому женщинам приходилось ступать наугад. Вскоре показался нужный дом со слабо освещенным окном.

Женщины прошли в комнату и сразу же попали в душливую атмосферу болезни, соединявшую в себе запахи сырого белья, микстур и прокисшего молока. Лида сидела у изголовья кровати, любовно застеленной белоснежным бельем. В этой угнетающей обстановке чистая постель была единственным светлым пятном, хоть как-то рассеивавшим окружающую безысходность.

— Господи, Лида! Что с ним? — шепотом спросила Анна.

— Ой, не знаю Анна Владимировна. Прямо сердце разрывается, на него глядячи. Говорит, что помирает. — И из распухших от постоянного плача и недосыпа глаз Лиды вновь хлынул поток слез.

— Какой странный сон! — прошептал потрескавшимися губами Василий. — Подлетает к нам на окно белая корова. Садится на подоконник, смотрит на меня и жалобно так мычит. А в копытах у нее кувшин молока.

Приступ удушающего свистящего кашля прервал больного.

Разбуженный голосами, в комнату, протирая глаза, вошел Миша:

— Бабушка, я хочу кушать. Я со вчерашнего дня голодный. Дайте хоть что-нибудь пожевать.

— Сейчас, родной мой, сейчас. Я поставила кастрюлю погреться. Через десять минут все будет готово, — погладила Марина мальчика и указала на кипящую на плите кастрюлю.

Анна подошла к печке и открыла крышку. В кипящей воде лежали два камня.

— Два дня уж так обманываем его, — прошептала Марина. — Говорим: потерпи, сейчас будет готово, — и Мишка с этой мыслью, устав ждать, засыпает. Как объяснить ребенку, что у нас есть нечего?

— Где голубцы? Почему не даете моему сыну голубцы?

С этими словами Василий попытался приподняться на постели, но силы окончательно покинули его, и мужчина повалился на кровать. Его глаза, не моргая, смотрели в потолок, а изо рта тонкой струйкой стекала кровь, рисуя на белоснежной подушке алую розу.

— У нас есть голубцы? Мам, почему вы их прячете? Дайте мне мои голубцы! — зарыдал Миша.

Но никто не заметил этого. Все в оцепенении замерли у кровати Василия.

Заглянув в кастрюлю, мальчик мгновенно стих и в ярости обернулся к отцу. Лицо его исказила гримаса лютой ненависти и злобы.

* * *

С утра Анна пришла в школу пораньше, чтобы успеть проверить тетради. Взглянув на классную доску, она заметила нарисованную мелом карикатуру. Кто-то неуме-

лой детской рукой вывел на доске рисунок в виде двух женщин и мужчины со шприцем в руках между ними. Поморщившись, Анна взяла тряпку и стала стирать рисунок. По мере того как мужчина со шприцем исчезал с доски, на душе у Анны становилось легче. Женщине казалось, каждое движение руки удаляет этого человека из их жизни.

За этим занятием ее и застал бригадир. Обозначив свое появление покашливанием, он вошел в класс.

— Здравствуйте, Анна Владимировна.

— Доброе утро, Силантий Петрович. Рада вас видеть, — поприветствовала Анна, широким жестом удаляя последние штрихи мела.

— Хорошо у вас тут, чистенько, — проговорил бригадир, оставляя за собой следы испачканных кирзовых сапог.

— У вас, наверное, какое-то дело? — спросила Анна, недовольно покосившись на осыпавшиеся комья грязи.

Бригадир сделал глубокую затяжку и, насупившись, сказал:

— Даже не знаю, с чего начать...

— Не ходите вокруг да около, Силантий Петрович.

Бригадир подошел вплотную к учительскому столу и заговорил, понизив голос:

— Анна Владимировна, вы уважаемая женщина в нашем колхозе, но...

— Что «но»? Объясните толком, что случилось? Может, вы не довольны моей работой?

— Знаете ли, в последнее время к вам зачастил наш фельдшер Виктор. По селу ползут разные слухи. Из-за проблем со здоровьем Виктора не забрали на фронт. В комиссии сказали, что у него слабое зрение. Но что-то мне в это не верится, потому что одиноких женщин он видит очень даже хорошо. И так всем тяжело, а эта сволочь добавляет нам проблем.

Бригадир помусолил пальцы и, потушив самокрутку, положил ее в карман потертого бушлата.

— Я не понимаю, о чем вы говорите. Какие отношения могут быть между Виктором и моими невестками? Да, он пару раз приходил к нам! Но уж вы-то взрослый и разумный человек и должны понимать, что это еще ничего не значит! На каких основаниях вы осмеливаетесь утверждать, что между фельдшером и моими невестками есть какие-то отношения? Я учительница, ко мне многие заходят, — недоуменно ответила Анна.

— Анна Владимировна, этот подлец приходит к вам каждый божий день. Как только вы выходите из дома, Виктор тут как тут. Я прошу вас принять какие-то меры. Негоже советским женщинам вести себя, как простит... так нескромно.

— Я попрошу выбирать слова! — побагровев от возмущения, встала из-за стола Анна. — Силантий Петрович, не вам говорить о...

Но слова Анны повисли в воздухе, так как на улице послышались крики и топот. Бригадир, а за ним и Анна вышли в коридор и тут же столкнулись с бегущими куда-то людьми.

Бригадир крикнул кому-то:

— Сынок, что случилось? Куда это все?

— Еще не знаю, все бегут, и я за ними, — не останавливаясь, крикнул тот.

Анна схватила одного из детей:

— Ну, что случилось? Куда ты?

— Отпустите меня! На кудыкину гору! — Ребенок оттолкнул Анну и побежал за остальными.

Бригадир и Анна побежали за толпой.

По расхлябанной дороге, разбрызгивая жижу, к селу приближалась выдавшая виды полупорка. На ее крытом кузове белой краской от руки было выведено слово «Хлеб». Рядом, падая в лужи и обгоняя друг друга, бежали люди. Крича и матерясь, они пытались влезть на движущуюся машину. Грузовик, проехав еще с десятков метров, чихнул и провалился в яму, из которой, несмотря на все потуги кряхтящего мотора, уже не смог выбраться. Его тут же облепили люди. Обезумевшая толпа стала ломать замки и выхватывать из кузова буханки. Каждый старался урвать побольше, потому что знал, что такого подарка больше не будет. В эти секунды война была прямо здесь. Люди воевали между собой за кусок хлеба, и каждый видел друг в друге врага. Ненависть и злоба полыхали во взглядах односельчан, которые еще десятью минутами раньше были друзьями. Здесь не оставалось места скромности и такту. Голод яростно втоптывал добродетель в грязь, оставляя лишь инстинкт самосохранения. Настал момент, когда стерлись грани человечности, и люди превратились в стаю волков, раздирающих свою жертву. Каждый отстающий тянул руки в надежде поймать впереди стоящего и встать на его место, чтобы точно так же быть свергнутым чьи-то руками. Людей становилось все больше, и толпа вокруг машины разрослась так, что теперь, чтобы добраться до хлеба, им нужно было прорываться сквозь десять метров сплошной живой массы.

— А ну раскачивай ее! — послышался чей-то крик в беснующейся толпе. Машина, подхваченная сотней рук, словно пушинка, оторвалась от земли и перевернулась набок. Ударом из кузова выбросило полки с хлебом. Буханки летели в черную жижу, образуя кучу из копошащихся в грязи тел. Голодающие крестьяне пытались урвать с земли спасительный кусок. Через несколько минут все было закончено. Счастливчики из тех, кто посильней и понаглей, уходили с воделенными буханками за пазухой. Толпа разошлась, оставив после себя два бездыханных тела. Растерзанный старик с багровым лицом и выпученными глазами, скрючившись, лежал в канаве — бедняга подавился куском, застрявшим в трахее. Рядом лежал мальчишка лет пятнадцати с продавленной грудиной.

Вечером того же дня Анна сидела дома у слабо горящей буржуйки и вспоминала увиденное. Ей казалось, что мир сошел с ума. Даже во время революции ей не было так страшно, как сейчас. Она вспоминала лица людей у перевернутой машины. Такие бывают только у сумасшедших.

Маргарита, чему-то улыбаясь, вошла в комнату и взяла с печки утюг.

— Что он тебе принес? — зашептала сидящая тут же Ольга.

— Серьги, — заговорщически прикрыв рот рукой, шепнула в ответ Маргарита.

— Золотые?

— Да, золотые.

— А взамен чего просил?

— Ничего не хотел. Только вот попросил погладить брюки, потому что у него нет утюга, — сказала Маргарита и оглянулась на Анну. — Тише! Видишь, как притихла. Прикидывается, что не слушает.

— Покажи сережки! — не отставала Ольга.

— Пойдем. — И они, хихикая, вышли из комнаты.

Анна медленно брела по разбитой улице мимо перекошенных заборов и забитых досками окон. Холодный резкий ветер бил в лицо. В голове были абсолютная пустота и безмятежность. Она была рада этому состоянию, когда ни о чем не хотелось думать и переживать и можно было позволить себе бесцельно брести по дороге мимо безликих рядов обветшалых избушек.

Через некоторое время Анна неожиданно для себя очутилась на импровизированном рынке, где колхозники в надежде хоть как-то протянуть продавали или обменивали домашнюю утварь.

— Смотри, смотри! — зашептала одна торговка. — Говорят, загуляли у нее невестки-то. Срамота на все село.

— Бесстыдница. Как только она на людях появляется? А еще учительница. — подхватила вторая.

Под перекрестным огнем осуждающих взглядов женщин Анна, не замедляя шаг, прошла мимо. Прямая и натянутая, как струна, она завернула за угол к сельсовету.

На маленькой площади собралась толпа. На каменной лестнице здания, окруженный разгневанными людьми, сидел почтальон.

— Ирод ты эдакий. Когда ж ты письма начнешь носить? — говорила женщина в ярко-красном платке.

— Зачем нам эти газеты? Я хочу знать, где мой сын? Живой ли он, или мне уже его оплакивать? — подхватил дедок в грязном ватнике.

— Ходишь по селу взад-вперед без толку. Мочи уже нет ждать незнамо чего.

Толпа зашумела, выкрикивая проклятия в адрес почтальона.

Почтальон, достав из кармана недокуренную папиросу, попытался оправдаться:

— Послушайте, иногда я стараюсь не попадаться некоторым из вас на глаза. Я даже иногда прячусь, увидев вас на улице. Да я больше вас жду письма от них. Донести почту до адресата — это мой долг, но... Вы думаете легко каждый раз смотреть в глаза матери, которой пришла похоронка, видеть ее слезы и слышать проклятия в свой адрес? Меня тут полдеревни ненавидит, как будто это я убиваю ваших сыновей. Ну, с меня хватит! Я отказываюсь быть почтальоном. Сами почту разносите! Вот это все вам пришло. Разбирайте.

С этими словами почтальон поднялся, снял с плеча сумку, набитую бумагами, и бросил ее к ногам людей. От удара содержимое сумки высыпалось на землю. Ворох похоронок, зашелестев, словно осенняя листва, разлетелся по всей площади.

— Ну, что стоите? Посмотрите, может, и для вас там весточка есть! Вы же хотели знать.

Наступила тишина. Все молча смотрели на летающие по площади похоронные извещения. Ни один человек не двинулся с места. Страх перед возможной потерей оказался сильнее мучительного ожидания. Где-то послышался плач ребенка. Так прошло около получаса, прежде чем люди, сначала по одному, а потом небольшими группками, так же молча стали расходиться по своим домам.

* * *

Анна ужинала с невестками и маленькой Раей. За обеденным столом стояла гнетущая тишина. Атмосфера недосказанности и взаимных молчаливых укоров острым лезвием разрезала последние ниточки доверия между женщинами. Только голосок Раи время от времени прорубал холодную стену отчуждения наивными вопросами:

— Мам, а почему когда становится холодно, то день становится короче, а ночь длиннее? — и тут же, не дождавшись ответа, Анне: — Бабушка, а правда, что существует северный ядовитый океан?

— Неправда, солнышко мое, — улыбнувшись, ответила Анна. — Он называется Северный Ледовитый океан.

— Я так и знала, так и знала! Вовка-дурак рассказывал, что его папа воюет на севере в ядовитом океане. Я же ему говорила, что там никто не сможет воевать. Они же отравятся.

Вдруг Анна заметила, что на безымянном пальце Маргариты отсутствует обручальное кольцо. Это покорило женщину, которая с такой любовью когда-то вместе с сыном выбирала украшение.

— Дочка, а где твое обручальное кольцо? — осторожно поинтересовалась Анна и сразу же пожалела об этом.

— Во-первых, я не твоя дочь. Во-вторых, что, Рая должна теперь умирать от голода? — резко огрызнулась Маргарита. — Я выменяла кольцо на муку и масло. И к тому же зачем мне кольцо, у меня уже есть серьги.

* * *

Была глубокая ночь, когда Анна наконец-то смогла уснуть. В тишине дверь комнаты скрипнула, и в комнату, держа в руке горящую свечу, осторожно вошел Яков. С перебинтованной головой и хромя на одну ногу, Яков подошел к постели, где спала мать, и, улыбнувшись, поцеловал ее. Затем, стараясь как можно тише волочить раненую ногу, вышел из комнаты, осторожно закрыв за собой дверь.

— Яшка? Господи... Яшка! Я думала, что уже не увижу тебя никогда, — больше испугавшись, чем радуясь неожиданной встрече, проговорила Маргарита.

— Тсс... — поднес палец к губам Яков. — Не кричи. Подойди ко мне, я соскучился.

Яков поставил горящую свечу на табуретку и распростер объятия.

Маргарита, зажмурив глаза, бросилась навстречу мужу и повисла у него на шее. Подол ее белоснежной ночной рубашки заскользил по полу, вмиг покрывшись грязными темными разводами, которые с каждой секундой становились все больше. Тусклый свет горящей свечи выхватил из ночи болтающуюся в ухе серьгу и вмиг предательский, неправдоподобно яркий отблеск зайчиком поскакал по заросшему щетиной лицу Якова. С каждой секундой пламя свечи становилось больше, все ярче озаряя комнату, а вместе с ним и бледную от страха Маргариту.

Рука Маргариты быстро скользнула вверх, чтобы снять сережки, но было уже поздно. Яков успел заметить их и теперь, отстранившись и нахмутив брови, смотрел на жену.

— Ты где взяла эти сережки?

— Нашла.

— Ты мне врешь!

— Я не вру. Это правда. Я нашла их.

— Говори правду. Это Виктор подарил? Я знаю, что это он!

Яков потянулся к шее Маргариты, и его пальцы, словно чугунными клещами, сомкнулись на шее жены.

Послышались хрип и натужное сопение. Свет от свечи, вдруг вздрогнув, усилился и теперь освещал каждый уголок комнаты, включая спящую на кровати Раю. В пылу смертельной борьбы руки женщины судорожно захлопали по плечам Якова в надежде достать глаза. С каждым мигмом ее движения становились слабее, и вот уже бездыханное тело Маргариты, зашуршав грязной ночной рубашкой, сползло на холодный пол. Свеча погасла, и ледяной мрак тут же поглотил комнату.

Анна, вздрогнув, открыла глаза и прислушалась к темноте. На стенах размеренно тикали старые часы, перекликаясь с потрескиванием догорающих углей в буржуйке.

— Яшка! — запекшимися губами шепотом позвала Анна.

Никто не откликнулся.

Анна встала с постели и, нащупав в темноте керосиновую лампу, чиркнула спичкой. Свет горящего огонька мрачно озарил гостиную комнату желтым светом. Собрав волю в кулак, Анна решительно пошла в комнату Маргариты. У двери Анна глубоко вздохнула и резко открыла ее. Скрип двери растворился в холодной тишине тем-

ной комнаты. Дрожащий огонек лампы выхватил из мрака силуэт мирно спящей на своей кровати Маргариты. Тут же в груди будто бы лопнула дужка амбарного замка, и легкие, освободившись от оков, свободно впустили в себя воздух.

«Сон. Снова кошмар!» — подумала Анна, пытаясь справиться с головокружением. Опираясь на стенку, дошла до своей кушетки, без сил упала на кровать и провалилась в забытье.

Голодные дни тянулись издевательски долго. Каждый новый день лишь усиливал нечеловеческий голод, и от этого чувства было невозможно избавиться. Все мысли людей сводились к первобытному инстинкту добычи пищи. Только во сне, но лишь на очень короткое время можно было забыться, и сводящее живот чувство голода отступало, чтобы, набравшись сил, наутро вновь обрушиться страшной grimасой безысходности. Скотина, когда-то имевшаяся у колхозников, была давно зарезана и отправлена на фронт, а на улицах стало уменьшаться количество бродячих животных. Кое у кого еще оставалась домашняя птица, и яйца, которые несли эти куры, теперь можно было смело называть золотыми. Недавно богатый, пышущий здоровьем край теперь походил на село-призрак с больным и вымирающим населением.

Анна, держа в руках красивый торшер, подаренный еще на ее свадьбу, медленно брела по дороге. С утра, в надежде выменять его у местных барыг на что-нибудь съестное, она стояла на рынке и теперь, порядком устав и ничего не получив за торшер, возвращалась домой. Проходя мимо дома, где жила Нина со своими родными бабушкой и бабушкой, Анна заметила деда Володю, который с лопатой в руках сосредоточенно и что-то недовольно бубня себе под нос, ковырялся в промерзшей земле. Его изможденное лицо выражало крайнюю степень возбуждения, а на губах выступила густая белая пена.

— Ну почему? Почему не растет этот проклятый лук? Он должен расти, должен! — вдруг в отчаянии кому-то стал кричать старик, с силой разбрасывая землю.

На крик из соседних домов высыпали люди и теперь с интересом собирались возле калитки. Увидев в толпе Марину, Анна подошла к ней.

— Что с ним случилось? — шепотом спросила Анна.

— Говорят, с ума сошел от голода. Упрямый как осел. Бригадир ему и хлеб приносил, и молоко, а старый дурень не взял. Говорит, что ни разу в жизни не ел ни с чьей руки.

— А Нинка где?

— Не знаю. Ее не видела.

В это время Нина, держа в ладошке картофельные очистки, бежала из соседнего села домой. В последний раз она ела три дня назад, когда бабушка сварила единственную оставшуюся пригоршню овса. И теперь, найдя настоящую еду, Нина представляла, как порадует домашних, когда принесет домой свою находку. Неестественно улыбаясь, дед сидел на крыльце, когда Нина, протиснувшись сквозь толпу, подбежала к дому. Странности улыбке добавляли глаза старика. Покраснев и чуть выкатившись из орбит, они смотрели в одну точку, будто бы заметив на земле что-то очень важное и волнующее. Чуть поодаль сидела и плакала бабушка. Девочка очень испугалась, когда увидела улыбающегося деда, потому что с тех пор, как пришла похоронка на сына, дед Володя ни разу не позволил себе порадоваться.

— Дедушка, миленький, потерпи. Сейчас я тебя накормлю, — запищала Нина, ну-тротм почуяв, что сейчас может произойти что-то ужасное.

Она побежала в дом и бросила в тазик с водой свою драгоценную ношу. Быстро прополоскав очистки, девочка вновь собрала все до последнего кусочка и выбежала на улицу.

Во дворе перед калиткой уже почти никого не было. Люди разошлись, утолив свой болезненный интерес к чужому горю. Дед лежал посередине двора, уткнувшись ли-

цом в разрытую землю. Скрюченные пальцы сжимали горсть земли, словно последнюю мольбу отчаявшейся души. Над ним беззвучно плакала бабушка. Нина упала на крыльцо, но инстинкт самосохранения сделал свое дело, и девочка, рыдая, запустила руку в тарелку и быстро стала поедать картофельные очистки. Очередное хмурое утро пришло незаметно, словно извиняясь за тяготы, которые принесет с собой. Оно постучалось в двери жителей холодом сквозняков, стонами больных и плачем голодных детей.

По дороге медленно шла худая кобыла, тащившая телегу с гробом. За телегой, кутаясь в платки, шли Нина и бабушка. Несколько людей из числа близких соседей сопровождали эту скорбную процессию. Они проходили мимо репродуктора, когда тот вдруг ожил и с кавказским акцентом стал вещать:

— Советский народ никогда не сдастся на милость Гитлеру. Мы начинаем полную мобилизацию. В самое ближайшее время фашизм рухнет под тяжестью своих преступлений.

Похоронная процессия молча прошла мимо, даже не оборачиваясь на голос. Только Нина, чуть отстав от людей, взяла с земли камень и украдкой метнула в репродуктор. Промазав, девочка не по-детски выругалась и побежала за процессией.

Из репродуктора послышались громогласные овации.

— Внимание, внимание! Говорит Информбюро. В ходе кровопролитных боев советские войска Брестского фронта отступили за реку Десну! — напоследок пробасил репродуктор и замолк.

Глава 8. Оккупация

Анна сидела за столом, когда в комнату прибежала Рая и протянула ей круглую дольку лимона.

— Бабушка, смотри, какое колесико. Я нашла это на улице.

Анна с удивлением уставилась на лимон, не понимая, откуда он мог тут появиться. В последний раз Анна видела лимон еще в институтские времена, когда их учили чайной церемонии.

— Это кусочек лимона, милая. Его бросают в чай, чтобы был ароматнее.

— Бабушка, а почему дяденька в военной форме его не в чай бросил, а на землю?

— Какой дяденька?

— А вон там, рядом с селом собралось много дяденек в военной форме. Там еще машины есть и мотоциклы, — махнула Рая в сторону дороги.

В этот момент с улицы послышались громкие крики и брань на немецком. Следом издали стал надвигаться пугающий своей мощью грохот, гоня перед собой толпу обезумевших от страха крестьян. Он становился все громче, и вот уже можно было различить в нем рев моторов и лязг стальных гусениц. Передовые части фашистской армии шумно входили в село.

Впереди, поворачивая дуло из стороны в сторону, шел немецкий танк Т-3. Его броня отсвечивала стальным блеском. Подминая под себя и ломая все, что попадалось ему на пути, он казался безжалостным исполином, неведомо как вынырнувшим из древних мифов. Чуть дальше, отставая на пару метров, за танком, гремя моторами и сверкая касками, следовали боевые расчеты мотоциклистов. За ними ехали несколько грузовичков, а замыкал колонну черный офицерский «хорьх». Немецкие автоматчики, шедшие впереди, уже бесцеремонно вламывались в дома людей и пинками выталкивали жителей на улицу. Через секунду все село напоминало разворошенный муравейник. Солдаты гнали людей к центральной площади перед сельсоветом, иногда для устрашения давая короткие очереди из автоматов.

Те, кого застигли дома, не успевали даже набросить на себя теплую одежду и теперь стягивались, гонимые солдатами, к площади, создавая там дрожащую от холода и страха толпу. Колхозников, не желавших повиноваться, убивали на месте. Так же без разговоров пристреливали стариков и калек, и было неважно, слушались они приказов или нет. Люди в панике бежали, оставляя за собой усеянную трупами дорогу. Селом овладел хаос. Ужас поселился в глазах каждого, и было понятно, что если до этого было невыносимо тяжело, то теперь, возможно, пришел конец.

Анна вдруг вспомнила, как 4 апреля в память о трагически погибшем императоре Александре II пели дружно: «Спаси, Господи, люди Твоя!» По рассказам классной дамы, Анна знала, что царь верил в спасительную силу этой молитвы, которая, по его мнению, однажды уберегла его от злодейской руки. И губы ее беззвучно, но так привычно зашептали: «Спаси, Господи, люди Твоя!»

Анна лишь успела накинуть на себя пальто и взять за руку Раю, когда дверь с грохотом распахнулась, и в дом вбежала большая черная собака. Увидев людей, она оскалилась и с громким лаем набросилась на Анну. Вцепившись зубами в подол пальто, немецкая овчарка стала яростно трясти головой, разрывая одежду в клочья. Рая истошно завизжала.

— Bitte, berufen Sie den Hund zurück! — с мольбой в голосе крикнула Анна солдатам по-немецки.

Услышав родную речь, солдаты удивленно переглянулись, и один из них отозвал собаку.

— Schneller, schneller! — скомандовал другой, взмахнув дулом автомата в сторону двери.

Анна, крепко держа Раю, вышла на улицу и, сопровождаемая лаем беснующейся собаки, под конвоем автоматчиков пошла к сельской площади. Испуганные жители села жались к стене, прячась друг за друга. Вокруг было много солдат, которые время от времени что-то кричали по-немецки и стреляли под ноги людям. Перед толпой, закинув руки за спину, важно прохаживался немецкий офицер.

Это был полный мужчина в серой, как амбарная крыса, офицерской форме. Высокие, вычищенные до блеска сапоги из грубой кожи тяжело ступали на площадную брусчатку, отчего казалось, что все его тучное тело сотрясалось мелкими волнами. Два отличительных знака: металлический крест первого класса в форме скрещенных посередине мечей и свастики в центре и серебряная медаль «За ранение» — поблескивали на его груди в тусклых лучах осеннего солнца. Непропорционально маленькая голова, обрамленная редкими волосами, неподвижно сидела на подушках тройного подбородка, поэтому чтобы оглянуться, офицеру приходилось поворачиваться всем телом. Особенно примечателен был взгляд хищных глаз. Вечно бегающие из стороны в сторону, они делали его похожим на сильно растолстевшего, но все еще голодного хоряка.

Вдруг один из фашистов, смеясь, протиснулся сквозь толпу. В доли секунды он забрался по деревянному столбу к серому колокольчику репродуктора и всунул под его язычок трофейную курительную трубку. Стоящие внизу немцы расхохотались. Испуганные крестьяне с отвращением смотрели на брызги слюны, разлетающиеся от побагровевших от смеха физиономий. Отрывистый лающий звук его раскаленным металлом разливался по окрестностям.

Клаус Хейнес — именно так звали майора небольшого немецкого мотострелкового батальона, — прохаживаясь в центре площади, всем своим видом показывал, что ему все это смертельно надоело, и если б не священный долг арийца, то ноги его бы не было в этом забытом Богом месте в окружении грязных дикарей. Брезгливо под-

жав тонкие губы, майор посмотрел на полураздетых истощенных людей, вжавшихся в бетонную стену сельсовета, и, сплюнув, отвернулся.

«М-да, все это не Чайковский», — с горькой иронией подумал Клаус, смотря куда-то вдаль.

Он страстно любил музыку, особенно Чайковского, Бетховена и Вагнера. Узнав, что эти композиторы нравятся и самому фюреру, Клаус полюбил их еще сильнее.

— Die russischen schweine! — выругался вполголоса офицер и, устало вздохнув, снова повернулся к толпе.

— Слушайте меня, рузки крестийани, — коверкая слова, крикнул офицер. — Ваш доблестьи зольдаттен абсолюттен разбиты Бухпах. Не смогли защититть вас, деревен. Они выступайт против великий рейх! Но ми не сделать вам ничьего плехо. Мы будем тут немного. Просто выполнять наш требований, и ми сохранить вам жизнь.

Проговорив это, майор улыбнулся, и эта улыбка значила лишь одно — смерть.

Майор продолжил:

— Сейчас расходить на дейти и взреслы.

Люди не двигались, прижимая к себе своих детей.

— Schneller! — вдруг заорал майор.

Тут же к пленным подбежали немецкие солдаты и стали отрывать детей от рыдающих женщин. Зазвучали автоматные очереди, и несколько особенно сопротивлявшихся женщин замертво упали на промерзшую землю. Поднялся вой, в котором смешались детский плач, рыдания взрослых, немецкая брань и оглушительный лай свирепых собак. Испуганные дети, выглядывая в толпе своих мам, которые только что укрывали их от этих страшных солдат, медленно выстроились в ряд отдельно от взрослых. Анна, спешно поцеловав Раю, толкнула ее в сторону детей.

Проследив взглядом за передвижениями и довольно ухмыльнувшись, майор продолжил:

— Рузки крестийани, если среди вас есть кто-нибудь, котори хочит помочь великий гербански армия, то пусть сделать шаг вперед.

Наступила тишина. В этой тишине Анна вдруг отчетливо услышала звуки разрывающихся снарядов. Она удивленно оглянулась. Прислушавшись, она поняла, что это стук ее собственного сердца.

— Хайль Гитлер! — заорал кто-то, и из толпы, расталкивая стоящих впереди, вышел Тимофей.

— Хайль Гитлер! — для пущего эффекта снова крикнул Тимофей и вскинул руку в фашистском приветствии.

Майор, не торопясь, подошел к Тимофею и обвел его брезгливым взглядом. Тимофей словно застыл с вытянутой рукой. Майор довольно улыбнулся и потянулся за пистолетом. Через секунду прогремел выстрел, и Тимофей с дымящейся дыркой в виске, как подкошенный, упал к ногам немецкого офицера.

— Уберите это отсюда, — скомандовал Клаус солдатам, — ненавижу предателей. Сегодня они с легкостью предают Родину, а завтра предадут и нас.

Тут же подбежали два солдата и за ноги поволокли труп Тимофея, на лице которого застыла гримаса удивления, испытанного им в последний миг жизни.

— Кто знать среди вас немецки? — обратился майор к толпе.

Воцарилась мертвая тишина. Если до убийства Тимофея еще оставались люди, в своей наивности верящие в благородство германской армии, то тянувшийся за трупом Тимофея кровавый след алой линией перечеркивал это слепое заблуждение.

— Совсем никто не знать? — переспросил майор.

В это время к майору подбежал один из немецких солдат и, что-то шепнув ему по-немецки, указал на Анну.

— Ты, женщин, — кивнул майор на Анну, — иди сюда. Schneller!

Анна, поймав на себе взгляд немецкого офицера, почувствовала, как у нее перехватило дыхание. На ватных ногах она через расступившуюся толпу пошла навстречу, как ей казалось, своей смерти. Но вопреки страху с каждым шагом она чувствовала себя все более уверенно. «Если уж умирать на глазах у всех, то надо это сделать гордо!» — успела подумать Анна, когда с высоко поднятой головой поравнялась с офицером.

— Woher weißt du Deutsch? — смерив взглядом Анну, спросил офицер.

— Studierte im Gymnasium, — спокойно ответила Анна.

— Gut! — удовлетворенно крикнул майор и продолжил на немецком: — Я немного знаю русский, но мне нужен человек, который будет помогать моим солдатам общаться с местным населением. Ты будешь переводить на русский наши приказы. Как тебя зовут?

— Анна.

— Скажи им, что мне нужны художники и музыканты, — приказал майор, глядя на толпу.

После обращения Анны из толпы, озираясь вокруг, вышли однорукий художник и хромой скрипач. Они были оглушены происходящим, не верили, что это происходит с ними. Только вчера они приехали из города, чтобы навестить родительский дом. Вечером накануне отъезда они пили чай и рассуждали об искусстве, а сейчас они стояли оледенелые на деревенском дворе. Свистал ветер, выли женщины, люди с оружием свирепо смотрели на них.

— И это все? — возмутился майор и обвел хищными глазками толпу людей.

Маргарита, Ольга и Елена, прижавшись друг к другу, стояли в первом ряду. Заметив их, Клаус прищурился и прикусил нижнюю губу. Бегло оценив сальным взглядом их фигуры, майор обнажил зубы в кривой, многозначительной улыбке.

— Вы, три, выходите вперед, — показал он пальцем.

Подчинившись приказу, Маргарита, Ольга и Елена мелкими шажками вышли вперед.

— И вы тоже, — добавил майор художнику и скрипачу.

Затем, повернувшись на каблуках к Анне так близко, что она ощутила разящий запах пота, спросил:

— А баня у вас тут есть?

— Да, есть. Только она не работает, развалилась давно.

— Значит так. Объясни им, чтобы через три дня баня была отремонтирована. Если они не успеют, то будут расстреляны, — буднично, как будто диктовал список нужных к обеду продуктов, проговорил майор.

— И еще спроси у них, есть ли у кого-нибудь дома пианино, — приказал офицер и повернулся к людям.

— У меня есть, — сохраняя спокойствие, ответила Анна.

— У тебя? — удивился Клаус, но, подумав, добавил: — Что тут удивительного, впрочем? Дикарь, знающий язык Великой Страны, рано или поздно обязательно проявит интерес к великому искусству.

Последняя фраза показалась Клаусу довольно симпатичной, достойной того, чтобы внести в специальный блокнот, который он везде таскал с собой специально для записи удачных мыслей. В будущем майор надеялся выпустить мемуары и уже обдумывал рабочее название книги. В голове крутилось «Meine Auswahl».

— Фрингс, доставьте мои вещи в дом к этой женщине. Я буду жить там. Туда же доставить этих трех женщин, художника и музыканта. Они будут нас развлекать, —

выйдя из задумчивости, распорядился майор. — Остальных гоните к бане, чтобы к утру все было готово.

Долговязый гладковыбритый лейтенант, которому был адресован приказ, тут же отдал солдатам распоряжения, а сам пошел к женщинам, чтобы лично проводить их до дома Анны. Снова площадь перед сельсоветом огласилась криками и плачем. Солдаты, понукая и смеясь, погнали людей к окраине села. Матери в последний раз бросали отчаянные, исполненные нежностью и страхом взгляды на частокол протянутых в их стороны детских рук. Война открывала следующую страницу в жизни людей, где каждая глава была написана горькими слезами.

Майор мечтательно смотрел куда-то вдаль и, казалось, не обращал на все происходящее ни малейшего внимания. В этот момент рядом прошел Фрингс, ведя перед собой Елену, Маргариту, Олю и чуть отстающую Анну.

— Эй, подожди-ка, — крикнул Клаус лейтенанту. — Я хочу посмотреть на них.

Майор вплотную подошел к Елене и положил руку ей пониже спины. Сладострастная ухмылка офицера показалась Елене омерзительной гримасой. Засопев от удовольствия, майор провел рукой вниз и залез женщине под юбку, при этом больно ущипнув ее за внутреннюю часть бедра. Елена стояла перед Клаусом с распущенными волосами, которые волнами разметались по плечам, чуть прикрытым тонкой кофтой, впопыхах накинутой на ночную рубашку. Волнующая пышная грудь вздрагивала от каждого движения. Она не пыталась отстраниться и не кричала. Страх, который выражало ее лицо, странным образом вдруг сменился спокойным смирением. Приняв неизбежное как данность, Елена почувствовала облегчение и, казалось, сдалась на милость победителю. Она улыбнулась и нежно провела ладонью по шершавой щеке немецкого офицера.

— Анна Владимировна, присматривайте за моими детьми, — не оборачиваясь, шепнула Елена.

Расплывшись в довольной улыбке от чарующего прикосновения красивой женщины, майор прикрыл веки, но все же успел почувствовать мощный плевок, летящий прямо в глаз.

Повисло молчание, которое говорило обо всем лучше любого красноречия. Прелестное создание, чьи прикосновения обещали рай на земле, вдруг превратилось в ничтожную дрянь, недостойную влачить свое жалкое существование. Майор достал платок и, не отводя свирепого взгляда от Елены, вытер с лица смачный плевок. Елена стояла лицом к майору с гордо поднятой головой. Ее небесного цвета глаза горели безумным гневом, когда в них вдруг отразилось дуло пистолета. Через секунду грохот выпущенной пули возвестил о конце сломанной, но несломленной жизни.

Глава 9. Баня

Суматошный, тяжелый в своей безысходности вечер опустился на село густым дымом пожарищ. По приказу майора детей отвели в сарай около дома Анны, где приставили к ним двух автоматчиков. Иногда их выводили, чтобы те поработали наравне со взрослыми. По задумке майора эта мера должна была отвести людей от любых бунтов и партизанщины. Было объявлено, что при неподчинении приказам будут по одному расстреливать детей и, по словам майора, их жизни ложатся целиком на совесть тех, кто осмелится не повиноваться. Анне доверили ухаживать за детьми, что она и делала, не жалея своих сил. Она денно и ночью проводила время рядом с ними, стараясь хоть как-то согреть и приласкать каждого. Было невыносимо тяжело слышать их плач и стоны, когда, всхлипывая и прижимаясь друг к другу, в тяжелой

полудреме они звали своих матерей. И если на свете существовал ад, то Анне казалось, что он прямо здесь.

Дом Анны теперь представлял собой нечто среднее между военным штабом, гостиницей и концертной площадкой. Здесь проводились собрания с обсуждением новых разведанных, отдыхали офицеры из других подразделений, а вечерами устраивались дикие попойки под аккомпанемент скрипки и пианино. В комнате, где раньше жили Маргарита с Раей, теперь располагался пункт связи с постоянно жужжащей рацией и радиостом, вечно отстукивающим какое-нибудь донесение. Важное место в этих вечерах отводилось Маргарите и Ольге, которых теперь полагалось называть Марго и Оллет. Одетые в коротенькие платья с прическами «а-ля Марлен Дитрих» девушки должны были петь, плясать и всячески развлекать гостей.

И вновь поплыли перед глазами Анны безмятежные картины прошлого. Начальница Смольного была осведомлена о прибытии высоких гостей и подготовилась к приему.

Миленькие «кофульки» (девчушки первого года обучения, повседневной формой которым служили платьица цвета кофе), одетые в красивые наряды, танцевали балетный этюд. В уголке зала, как на троне, восседал седой музыкант в черном фраке с белоснежной манишкой. Не открывая глаз, он плавно водил смычком по струнам виолончели, извлекая какие-то неземные, как казалось тогда малышам, звуки. Анна старательно тянула носок, изящно выгибалась и кружилась так легко, что ей на мгновение показалось, будто она вот-вот взлетит, нужно только чуть сильнее оттолкнуться носочком от мозаики роскошного паркета из ценных пород дерева.

Балет очень впечатлил шаха. Не отводя глаз, он зачарованно следил за изящными движениями крохотных танцовщиц. Его глаза едва не вылезли из орбит, и лишь едва заметное движение плечами в такт музыке выдавало то, что он еще жив. Но вот музыка кончилась, и восточный гость поднял на государя полные слез глаза. Начальница тактично отвела взгляд к окну и залилась пунцовым румянцем торжества. Девочки заметили, что государь улыбнулся и ласково начал что-то объяснять гостю. Благодаря начальнице института потом выяснилось, что шах умолял правителя подарить ему хотя бы одно юное сокровище. И бесконечно удивился, узнав, что могучий император не мог ему доставить такого удовольствия. Тогда, подобно торговцам восточных рынков, он стал мастерски выторговывать живой сувенир, чем и вызвал искреннюю веселость императора. Но даже за баснословные сокровища, которые сулил шах, ни одна из юных танцовщиц не была передана изумленному гостю. И до самой кареты, увозящей высокопоставленных гостей со двора, можно было видеть на лице шаха борьбу сожаления и отчаяния с растерянностью.

В гостиной на всю стену поверх ковра с оленями была развешена подробная карта Евразии, на которой майор собственноручно делал какие-то пометки и рисовал стрелки. Каждый день Анна с горьким сожалением отмечала, что многочисленные стрелки, тянущиеся с запада на восток, становились все длиннее и толще. Добрая их половина уже смертельным клубком опутала Ленинград, другая часть ползла вниз к просторам Каспийского моря, а самая мощная, выделенная жирной черной линией, словно клинок, тянула свое острие к Москве.

На противоположной стене, где когда-то висела фотография Михаила и Якова, теперь был портрет Адольфа Гитлера. Жесткий, пронзительный взгляд фюрера был холоден и требователен. Его ровный пробор и топорщившийся черный квадратик усов над низко опущенными уголками губ добавляли образу бескомпромиссности. Этот портрет резко контрастировал с портретами Сталина, которые видела Анна, где отца народов показывали справедливым мужем с ласковым, отеческим прищуром добрых глаз.

Анна возилась на кухне, готовя ужин майору и лейтенанту. Давно уже ее кухня не благоухала так аппетитно. На плите, шипя в раскаленном сливочном масле, румянилась приправленная специями курица, а в чугунном горшочке, испуская приятный дух укропа, дымилась вареная картошка. Под присмотром автоматчика жареная курица тоже оказывалась в плену. Анна клала на тарелку готовые куски мяса и, с вожделением глядя на еду, протягивала ее немецкому солдату. Рая голодным взглядом смотрела на тарелку, с трудом удерживаясь, чтобы ничего не стащить. Немец, увидев голодные глаза Анны и Раи, мизинцем столкнул кусочек курицы с тарелки на пол. С гнусной улыбкой он ушел. Маленькая Рая побежала было к упавшему на пол куску мяса, но черная овчарка ее опередила и, схватив кусок, легла к ногам майора. Темные собачьи уши улавливали каждый шорох половицы, прислушиваясь к пробегающим мышам. Хруст куриных костей и капающей на пол слюны приводили Анну в отчаяние, а Рая, усевшись у угла печи, стала разговаривать с маленькой соломенной куклой: «Скоро придет мама и принесет нам вкусной курицы, и мы ее тоже будем есть. А злым собакам не дадим. Все сами слопаем», — обняв куклу, Рая положила ее на скамью и отвела к окошку маленькие черные глазки.

Один из солдат взял Анну за руку и повел к майору. Горячо любимые жены сыновей сидели на коленях у офицеров и мило улыбались на скабрзные шуточки мужчин. Платой за жизнь становилась покорность, а если хотелось лучшей жизни, то покорность должна была приниматься в охотку. Анна опустила глаза, чтобы не видеть происходящего. Ей было стыдно и больно видеть двух шлюх, по какой-то нелепой случайности оказавшихся женами ее сыновей. На столе царил беспорядок из фруктов, бокалов с шампанским и окурков сигарет. Под старательный аккомпанемент скрипки немецкий пианист исполнял «К Элизе» Бетховена. Нежная по сути музыка тяжелым металлом била по ушам Анны, заставляя ненавидеть ни в чем не повинный музыкальный инструмент, на котором когда-то разучивали гаммы ее дети. Одно радовало в этой мелодии: клавиши по-прежнему звучали правильно. В углу комнаты перед мольбертом стоял однорукий художник и, прикусив губу, рисовал портрет майора.

— Если мой портрет мне не понравится, я тебя пристрелю, — пьяным, заплетающимся языком произнес по-немецки Клаус, обращаясь куда-то в сторону.

Художник, не понимающий ни слова, звериным чутьем понял, что это угроза, адресованная ему, и сильнее прикусил губу.

К столу подошла Анна.

— Скажи этому бестолковому скрипачу, что он неправильно играет. Пусть сыграет что-нибудь из Моцарта, — потребовал майор хриплым голосом.

Скрипач, услышав имя «Моцарт», сразу начал играть «Маленькую ночную серенаду», которая получалась у него лучше всего. Мелодия закружилась свежим бризом, создавая ощущение легкости и непринужденности.

Майор, услышав первые аккорды, закрыл глаза и с пьяной улыбкой стал размахивать пистолетом, словно дирижерской палочкой.

Погрузившись в состояние пьяной безмятежности, майор решил пооткровенничать:

— Знаешь, а я ведь был против этой войны. Да и сейчас считаю, что она нам не нужна, — обратился он к Анне. — Зачем Германии эти дикие края, в которых даже нет нормальных дорог? Меня тоже ждут дома и мать, и жена, которых я сильно люблю. Но тут я был бессилен, потому что отказать фюреру — значит подписать себе смертный приговор. Но меня растил не фюрер. Только кому это скажешь?

Немецкий офицер резким движением скинул с колен Маргариту и, пошатываясь, встал на ноги.

— Зачем мне новые земли? — заорал он. — Зачем мне новый мир? Я не собираюсь здесь жить, ведь я вполне счастлив на своей родине. Но у этой войны есть и хорошая

сторона. Мы покажем всему миру немецкую культуру, потому что она самая развитая и прогрессивная.

— У войны нет хорошей стороны, — спокойно ответила Анна.

Присутствующие с удивлением взглянули на нее. Недоумение читалось на их лицах, а у пианиста от удивления даже чуть отвисла челюсть. Подумать только: женщина, жизнь которой зависела лишь от хорошего настроения командующего, посмела не согласиться с ним. Фрингс, рядом с которым стояла Анна, чуть отодвинулся от нее, чтобы не запачкать офицерскую форму ее кровью, которая вот-вот должна была пролиться.

— Чтобы показать миру вашу культуру, не надо воевать, — все так же спокойно продолжила Анна. — Имена Бетховена, Баха и Гайдна знает весь мир. Там, где льется кровь, глупо говорить о культуре. Ведь война оставляет после себя тяжелые, неизгладимые последствия, которые помнятся гораздо дольше, чем высокое искусство. Культура должна сеять добро и милосердие, а не смерть и разруху.

— Это как понимать? То есть вы утверждаете, что наши идеи неверны? Вы смелее сомневаться в идеях рейха? — майор незаметно для себя стал обращаться к Анне на «вы». — Я смотрю, вы умный человек, Анна. Хотя человек... Это немножко не о вас. Вы все недочеловеки и не имеете права передавать свои гены будущим поколениям, заполняя планету подобным себе мусором. Вы должны быть уничтожены, чтобы будущие поколения чистокровных арийцев жили на свободной земле.

Клаус подошел к стене и, выпрямившись, стал под портретом Гитлера.

— И как Чайковского угораздило родиться среди этой генетической свалки? Не удивлюсь, если выяснится, что его в детстве украли из Европы и тайно перевезли в эту убогую страну, — майор захохотал в восторге от собственной шутки.

Лейтенант вместе с пианистом заготовали вслед за майором. Отсмеявшись, майор сказал:

— Кстати, хорошо, что вспомнил, мы сегодня не расстреляли ни одного еврея. Фрингс, пишите приказ.

Майор промочил горло шампанским.

— Приказываю установить среди местного населения лиц еврейской национальности и после выполнения ими хозяйственных работ расстрелять. Выполняйте.

Услышав это, Анна зажмурила глаза, а скрипач добавил в музыку еще больше страсти.

Черная ночь укутывала мир густой мглой, на некоторое время скрывая беспросветность дня. Слепая темень, словно бальзам на душу, приносила временное забытие. Анна, лежа на чердаке, слушала гул ветра, проникающего в многочисленные щели. Ее сегодня не пустили к детям в наказание за дерзость. Начинаясь едва заметная дрожь скользила по ее телу, предвещая неминуемую болезнь. Из комнат внизу под размеренный стук железной кровати доносились женские стоны и довольный мужской смех. Вскоре все утихло, но этот стук еще долго слышался Анне, словно кто-то молотком стучал по ее вискам.

Около полуночи Маргарита вышла в гостиную. Анну лихорадило. Маргарита усесться за стол и стала лущить семечки. В воспаленном мозгу Анны каждый звук отдавался с удвоенной силой. Треск хрустящей скорлупы похож на звук горящих поленьев в костре, который охватил все существо Анны. Огонь все жарче, и вот уже Маргарита видится ей огромным демоном с вывалившейся из крохотного платья грудью, который, хохоча и беснуясь, подбрасывает в ее костер все больше и больше щепок... Измощенная видениями, Анна провалилась в беспокойный и болезненный сон.

Оставалась последняя ночь до срока сдачи бани. Работы шли на освещаемой факелами и обдуваемой всеми ветрами площадке. Дети работали вместе со взрослыми —

таскали камни и месили глину, — но и это было им в радость, ведь они могли хотя бы немного побыть рядом с матерями и близкими. Радость игр им заменяла возможность обнять еще живую мать, а сбитые ноги упрямо несли тщедушные тела, отказываясь повиноваться предсказуемому концу.

Начало светать, но небо по-прежнему тяжелой массой расстилалось над головами изнуренных сельских жителей. Под мелким промозглым дождем пленные крестьяне, хлюпая в грязи, шли по главной улице к свежестроенной бане. За ними, так же утопая в жиже, шли три автоматчика и дети, взятые из сарая для работы. С ними, держа за руки самых маленьких, шла Анна. Безвольно следуя приказам, люди падали и поднимались, словно заводные игрушки, полностью лишенные воли.

Послышался рокот мотора, и к колонне, зарываясь бампером в раскисшую землю, подъехала машина майора. Из салона выпрыгнул водитель и быстро открыл заднюю дверь. Клаус Хейнес, одетый в идеально выглаженную офицерскую форму, ступил на землю, и тут же его отполированный до зеркального блеска сапог провалился по колено в черную слякоть.

— Teufelsland! — зло процедил пьяный майор, когда второй сапог исчез в густой мутной жиже.

Сразу за майором в салоне показалось бледное лицо Маргариты, с которым ярко контрастировали ее кроваво-красные губы. Блеснув золотыми сережками, она обвела взглядом выстроившихся в шеренгу людей и, брезгливо поморщив напудренный носик, снова исчезла в машине.

Среди них был и Виктор. Грязный и худой, со впалыми щеками и воспаленными от усталости глазами, он напоминал лишь тень самого себя недельной давности. Когда он заметил Маргариту, его обросшее многодневной щетиной лицо сразу же преобразилось. Поминутно смахивая с глаз капельки дождя, Виктор, улыбаясь шербатым ртом, тарасился на машину, пытаясь поймать взгляд Маргариты, если вдруг она опять покажется из салона офицерского «хорьха». С каждой секундой пустого ожидания надежда на спасение уступала место глухой злобе. Вероломная женщина, которая еще недавно таяла в его объятиях, теперь делала вид, что не помнит его. А может, она действительно его не помнила? Будто ластиком, легко и без сожаления стерла из памяти написанный простым карандашом недолгий бесцветный роман. Как настоящая самка с врожденным чувством приспособления к меняющимся условиям среды, она заманивала самца и пользовалась им, пока не появлялся следующий, который был сильнее прежнего. Так, по жизни перескакивая с мужчины на мужчину, словно по кочкам в топком болоте, она пыталась выжить в мире, где каждый сам прокладывает себе дорогу.

— Господин майор, под надзором солдат фюрера ваш приказ был выполнен. Баня готова, — выпалил сержант и вытянулся в струнку.

— И, надеюсь, безопасна? — недоверчиво обвел взглядом новенький сруб майор.

— Господин майор, я не... м-м... — сержант запнулся и замолк.

Майор посмотрел вверх дрожащих детей на высокую трубу бани.

— Пускай сперва искупаются дети, — скрестив руки на груди, заплетающимся языком сказал майор, — Займитесь этим. У вас на это целых пятнадцать минут. Сержант, проследите за тем, чтобы все было вовремя. Я буду недалеко, дайте мне знать, когда выйдет время.

Майор пошарил во внутреннем нагрудном кармане и величественно вытащил часы. Это были именные «DRUSUS» 1920 года, принадлежавшие еще его отцу и подаренные Клаусу перед самой войной. Секундная стрелка бешено летела по циферблату.

Анна, не теряя ни минуты, склонилась над детьми:

— Миленькие мои. Во всем слушайте меня. Я не хочу, чтобы с вами что-то случилось, поэтому сделайте то, что я скажу. Мы сейчас все вместе возьмемся за руки и побежим к бане. Помните, как мы играли в ручеек? Тот, кто заплачет или закричит, считается проигравшим.

Она обернулась к мальчику, который стоял позади всех.

— Миша, не отставай. Ниночка, возьми за ручку Павлика.

Дрожащие от холода дети, взявшись за руки, побежали к чернеющей невдалеке трубе. Несколько галош, завязнув в грязи, так и остались торчать посреди дороги, пока их не вдавила в жижу едущая следом машина.

Из бани веяло сыростью, свежей древесиной и глиной. Холодные стены нетопленной бани, словно слезами, сочились сосновой смолой, вторя детскому плачу. Из прорубленного под самой крышей окна на противоположную стену падал бледный квадрат утреннего света, который был не в состоянии осветить мрачную темень предбанника. «Темно, как в могиле», — успела подумать Анна и, схватив таз, побежала обратно. Пытаясь подавить приступы тошноты и головокружения, Анна собрала оставшуюся на дороге обувь и поспешила к бане.

— Я не могу упасть, мне нельзя падать! Мои дети... Они не должны видеть, что я не рядом! Скорее, скорее! Я не должна упасть, — уговаривала себя учительница, собирая остатки сил.

Подняв локоть к разгоряченному лбу, она старалась не подавать ни единого намека на болезнь. На ее памяти еще ни разу не обошла больного немецкая пуля.

Баня была жарко натоплена, и на улицу повалил приятный, душистый пар. В это время сержант дал знак майору. Оторвавшись от Маргариты, Клаус опустил стекло машины и крикнул:

— Bei ihnen hat die Zeit geendet.

Анна с полным тазиком грязных галош в руках вошла в баню, и через некоторое время оттуда вышла гурьба перемазанных грязью детей, которые не успели даже раздеться.

Все так же держась за руки, дети в сопровождении автоматчика проследовали обратно в сарай. За ними, держа Раю за руку, шла Анна. Она беззвучно рыдала.

Дверь припаркованной у бани машины открылась, и из нее высунулся грязный сапог майора. Пощупав носком землю, майор нетвердо встал на ноги, но тут же сильно покачнулся, и если бы не вовремя подоспевший сержант, плюхнулся бы в грязь. Поддерживаемый верным помощником, майор на подкашивающихся хмельных ногах проследовал в баню. За ним, стараясь не смотреть в сторону односельчан, стоявших вдоль дороги, пробежала Маргарита.

К бане подъехал мотоцикл с люлькой, в которой с охапкой чистого белья в руках, сидел скрипач. На его лице отражалась целая гамма чувств, главными из которых были стыд и страх. Через некоторое время труба бани задымила сильнее, и из-за закрытых дверей предбанника донеслись трель скрипки, женский смех и довольный немецкий бас.

Глава 10. Неудачный выстрел

Промозглый день безропотно сдавал свои позиции приближающемуся вечеру. Холодное солнце тихо закатывалось за горизонт.

Во дворе перед домом Анны собралось несколько человек. Двое мужчин под присмотром автоматчиков рубили дрова, какая-то женщина стирала белье. Анна, ползая на коленях, мыла полы, когда в дом, весело смеясь, вошел майор под руку с Маргари-

той. Они были пьяными. Не обращая внимания на Анну и всех остальных, они, обнявшись, упали на диван и стали неистово и бесстыдно целоваться. Увидев это, Анна опустила голову и, не поднимаясь с колен, уползла прочь. Сосредоточенное сопение на диване прервал Виктор, который с дровами в руках постучался и вошел в комнату. Демонстративно отвернувшись, фельдшер нарочито небрежно бросил на пол дрова и, страдальчески держась за бок, вышел из комнаты. Пройдя в кухню, Виктор заметил поднос с двумя бокалами шампанского. Убедившись, что в кухне никого нет, он от души харкнул в оба бокала, и, размешав, поставил их обратно.

— Эй, ти! — услышал Виктор голос майора прямо у себя за спиной, когда через пятнадцать минут снова вошел в комнату с дровами наперевес.

На столе стояли два опустошенных бокала. Виктор остановился и представил, как сзади в него целится из пистолета майор. Как глупо получилось! Умереть, вытерпев столько! И все из-за какой-то дурацкой мести.

— Ты, наверное, давно не мылся, так?

Виктор обернулся и вместо дула пистолета увидел перед собой перемазанное губной помадой лицо майора. Пухлое лицо довольно улыбалось и щурилось мутными глазами.

— Сержант, — крикнул майор, — дайте ему большой кусок мыла и проводите в баню, пусть купается, сколько хочет. Как закончит — доложишь.

Майор хохотнул и застегнул ширинку.

— Это я делаю для тебя, мой зайчик! — обратился Клаус к Маргарите, блевавшей на пол, перегнувшись через подлокотник дивана. В комнату вошел сержант и, махнув дулом автомата в сторону двери, повел фельдшера в баню. В комнату, тихонько постучавшись, вошел лейтенант. В руках он держал исписанную столбиками бумагу.

— Господин майор, список евреев готов.

Клаус взял бумагу и, устало пробежавшись по ней глазами, недовольно сказал:

— Что-то я не разберу фамилии первых трех. Хм.... Для начала расстреляйте их.

— Будет сделано, господин майор, — отчеканил лейтенант и, бросив взгляд на Маргариту, вышел из комнаты.

Вволю напарившегося в баньке Виктора сержант конвоировал к дому Анны. Его по-прежнему душила злоба, но не такая яростная, как прежде. Теплый пар и горячая вода очистили не только его тело, но и душу от скверны, и тягостные мысли о ненависти и мести практически оставили его. Было ясно, что это Маргарита, шепнула майору словечко за Виктора, и теперь к его ревности и злобе примешивалась толика благодарности. Но даже она, как думал Виктор, не могла полностью погасить обиду за предательство. Он видел в ее заступничестве лишь жалкую подачку улетевшей к другому хозяину жар-птицы.

В доме Анны опять гремела музыка. Черное пианино изрыгало мелодию Норберта Шульце «Lili Marleen», в исполнении хора пьяных мужиков, под тяжелый топот пляшущих ног песня теряла первоначальный романтический смысл и превращалась в очередной фашистский марш. Анна, скрючившись, сидела с закрытыми глазами в уголочке, куда ее насильно усадил майор. Смотреть на то, как фашистские солдаты выплясывают с ее пьяными невестками, не было никаких сил. Анна заткнула бы и уши, но эти движения моментально пресекал стоящий поблизости сержант. Бедная женщина не знала, куда деваться от гнева и стыда. Она всеми фибрами души ненавидела фюрера, глядевшего на нее тяжелым и грозным взглядом оттуда, куда привыкла она обращать любящий взор.

Чем больше Анна узнавала о фашизме, тем меньше видела в фюрере человека. Глядя на его портрет, Анна по примеру своих учеников, раскрашивавших портреты пи-

сателей в учебнике литературы, мысленно пририсовывала Гитлеру рожки и щетинистую бородку, что вкупе с надменным взглядом делало его похожим на упрямого козла. Подойдя к калитке, Виктор увидел майора, который, навалившись на Маргариту и шатаясь на неверных ногах, стоял на крыльце. Белая рубашка немецкого офицера была заляпана томатным соусом, а к краю кителя присох кусочек тушенки. С трудом сфокусировав взгляд на подошедшем под конвоем Викторе, майор заставил себя приосаниться.

— Господин майор, — выпалил сержант, — ваш приказ был выполнен.

— Марго, siehe, это же твой verwandte, — после небольшой паузы сказал майор. — Сержант, дайте ему большой кусок мыла, и проводите в баню. Пусть купается, сколько хочет.

— Но ведь он... — начала было говорить Маргарита, но не успела.

Майор, взяв Маргариту за локоть и что-то шепча ей в ухо, потянул девушку в дом.

Сержант в замешательстве потоптался у крыльца, даже заглянул в дом, но не получив другого вразумительного приказа, спустился к Виктору и, ткнув ему автоматом в нос, показал в сторону бани.

— Знаешь, какой я сильный! — спустя некоторое время расходился перед Маргаритой майор, отжимаясь на кулаках.

При этом его огромный живот лежал на полу, и со стороны казалось, что человек, лежа на большом мешке, пытается через него перекатиться.

— Где этот скрипач? Приведите сюда, пусть играет, — кряхтя, задыхаясь и пыхтя, выдавил Клаус. Услышав уже знакомое слово «Geiger», словно из-под земли рядом с майором вырос человек со скрипкой и стал играть «Каприс № 24» Паганини.

— Однажды я играл в карты с самим фюрером. Держали пари на сорок одну розу, — подняв раскрасневшуюся, сплошь покрывшуюся капельками пота физиономию, сказал майор. — Ну, я, конечно, проиграл. Ведь живая собака всегда лучше мертвого льва.

Майор потянулся было за своим блокнотом, но наигранный смех окружающих напомнил ему, что авторство фразы принадлежит не ему, и обратил взор на Анну — единственного равнодушного к его шутке человека в комнате, где смеялись все, даже ни слова не понявшие девушки со скрипачом. Анна по-прежнему сидела в уголке с отсутствующим видом.

Майор тяжело поднялся и прогремел:

— А почему вы не смеетесь?

— Ну, доложу я вам, господин майор, — сказала она укоризненно по-немецки, — я здесь не вижу ничего смешного.

Дерзкая речь заставила всех замолчать в тревожном ожидании. Лишь девушки и скрипач продолжали глупо хихикать, но вскоре почувяли неладное и устали на Анну, ожидая объяснений.

Повисла тяжелая пауза.

— Значит, здесь нет ничего смешного? Значит, все они идиоты? — строго спросил майор, указывая на солдат. — Лейтенант, запишите эту женщину в список к нынешнему расстрелу.

— Господин майор, она и так в списке, еврейка.

Еврейка... Вдруг снова в памяти Анны всплыла картина из ее далекого детства, когда пожилая директриса Института благородных девиц презрительно взглянула на нее поверх позолоченного пенсне на золотой цепочке. Ее сухое морщинистое лицо на секунду исказила брезгливая гримаса, но так как начальница была дамой благородной, она быстро вернула лицу прежнее бесстрастное выражение. Мать просительно

подняла на властную матрону огромные карие глаза, не заметив этой перемены, и спросила умоляюще: «Неужели ничего нельзя сделать?» — «Отчего же? Мне необходимо лично побеседовать с вашим супругом, сударыня. Жду его завтра в три часа пополудни. До свидания, мадам!» Директриса мигом по-солдатски развернулась на каблуках и бесшумно уплыла по коридору, шурша кринолином.

Как ни пыталась тогда, так и не смогла Анна допытаться у матери, что значит это странное слово «еврейка». Мать лишь грустно вздыхала в ответ и промокала краешком кружевного платка увлажнившиеся глаза. И лишь на следующий вечер, когда отец, вернувшись домой, с порога провозгласил: «Завтра везем Аньку в институт!», мать прослезилась, обняла ее и закружила по комнате.

— Просто ты такая же красивая, как я, — тихонько нашептывала она дочери, отвечая перед сном на мучивший ее два дня вопрос.

Анна не могла вспомнить, чтобы еще когда-нибудь ей приходилось задумываться о своем происхождении. И вот опять...

— Что? Тоже еврейка? — удивился Клаус и, немного подумав, обратился к Анне: — Вот что. Залезайте на этот стул и произнесите тост в честь нашего любимого фюрера. Громко и торжественно. Лейтенант, придвиньте стул к стенке, чтобы всем было видно.

Все замерли в ожидании, когда лейтенант придвинул стул и вручил женщине бокал шампанского.

Анна, помолчав какое-то время, согласилась:

— Хорошо, я это сделаю. Но позволю себе поставить условие: вы и все ваши солдаты должны представить одну вещь.

Усевшийся на диван майор засмеялся:

— Мы? Должны представить? И что же это за вещь, скажите на милость?

— С вашего позволения, когда я поднимусь на этот стул и буду говорить тост, представьте, что я — ваша мать. Что она так же стоит на стуле перед русскими солдатами и говорит речь во славу великого Советского Союза.

В комнате повисла тишина. Потное лицо Клауса тронулось мелкой дрожью, а рука заерзала на боку, нащупывая именной «парабеллум». Пистолета на месте не оказалось.

— Где мое оружие? Всех расстреляю! Собственными руками! — Клаус перешел на визг.

Солдаты бросились на пол и, ползая на четвереньках, стали искать пистолет. Пока искали пропажу (оружие мирно лежало за диваном, завернутое в женский бюстгальтер), гнев майора поутих, и теперь Клаус искал более изощренной мести. Его мечущийся взгляд остановился на фруктах, лежащих в вазе.

— Лейтенант, поставьте эту женщину на стул и положите ей на голову вон то яблоко, — майор дулом указал на вазу с фруктами. — Сейчас я проверю свою меткость. Если вам повезет, то пуля попадет в яблоко, а если нет, то одной еврейкой на этой земле станет меньше.

Майор прицелился, держа в нетвердой руке тяжелый пистолет. Его лицо вновь исказила злорадная улыбка. Анна закрыла глаза и в последний раз подумала о сыновьях, с которыми ей так и не суждено будет снова встретиться. Настенные часы мучительно долго отсчитывали последние секунды ее жизни. Со двора послышался звук открывающейся калитки — это привели Виктора. «Это, наверное, последнее, что я слышу, — подумала Анна, но тут же исправилась: — Хотя, последним все-таки будет выстрел». И он прозвучал.

Пуля «парабеллума» девятого калибра просвистела над головой Анны и, не задев яблока, попала точно в правый глаз изображенного Адольфа Гитлера.

Все посмотрели на портрет. Со стены на присутствующих, дымя правым глазом, пялился одноглазый фюрер. В уцелевшем глазу отчетливо читался немой вопрос: «Кто посмел?»

Послышался звук падающего на пол грузного тела: майор, потеряв сознание, медленно сползал с топчана на пол. И все отчетливее на плечах лейтенанта в его собственном воображении вырисовывались нашивки гауптштурмфюрера СС.

— Позовите сюда фельдшера и смените портрет, — не очень громко крикнул долговязый лейтенант.

По дому забежали люди, зазвучали короткие немецкие приказы. Кто-то принес воду и валерьянку. Когда привели Виктора, майор лежал на диване бледный и еле живой. Из чуть приоткрытого рта вывалился мясистый язык. Белобрысый лейтенант стоял у изголовья дивана и, мечтательно глядя куда-то вдаль, спокойно курил. Казалось, он вообще не беспокоится по поводу происходящего.

Виктор наклонился над майором и прислушался к биению сердца. Затем выпрямился и с плохо скрываемым удовольствием два раза ударил майора по лицу, приводя его в чувство. После этой малоприятной для немецкого офицера процедуры Клаус чуть разлепил веки и посмотрел на склонившегося над ним фельдшера.

— Ты есть *verwandte* Марго. Сержант, дайте ему большой кусок мыла и проводи-те в баню. Пусть купается, сколько хочет, — промычал майор и, закрыв глаза, громко захрапел.

На улице уже совсем стемнело, когда сержант, закинув автомат на плечо и насвистывая какую-то незатейливую песенку, вел Виктора в баню. Желания в очередной раз мыться у Виктора не было совсем, и он, опустив плечи, еле плелся по знакомой дороге к опостылевшей баньке.

Вдруг из глубин фельдшерской души с новой силой поднялась глухая, клопочущая в своем бессилии злоба. Свинцовой плитой навалилась обида, щедро сдобренная ревностью и жалостью к себе. Он был бессилен против этой обжигающей холодом ненависти, которая, поднимаясь изнутри, попеременно отключала все механизмы самосохранения. Эта была реакция на растоптанную любовь. Виктор любил Маргариту. Простая мысль раскаленным добела железом выжигала фельдшеру все нутро: как это могло случиться, что развязная девка, сельская шлюшка, для развлечений и удовольствия выбранная им когда-то за пышные формы, как выбирается по экстерьеру кобыла под седло, могла завладеть его сердцем? Но прямо сейчас его любимая ублажала других мужчин, вражеских захватчиков, а его вели в баню на привязи, словно шелудивого пса. Эти мысли совсем истерзали Виктора. Унижение и жалость к себе, словно река в половодье, разлились по сознанию, окропив крохотный росточек гордости. Она встрепенулась, расправила еще слабые веточки и потянулась вверх, вытаскивая на белый свет разбуженное чувство собственного достоинства. Под его напором Виктора захлестнул священный гнев.

Фельдшер остановился и повернулся к немецкому сержанту. Сделав еще пару шагов, тот тоже остановился, едва не налетев на Виктора. Сержант удивленно посмотрел на конвоируемого и обомлел: в вечерней тьме лицо фельдшера буквально сияло решимостью. Сержант схватился за автомат в надежде подавить пробившуюся на поверхность волю, но не успел. Сильный удар в ухо свалил фашиста в грязь, и в ту же минуту всей массой на него обрушился неистово орущий Виктор. Борьба была решительной. Каждый понимал, что в этом поединке цена — собственная жизнь. И молодые самцы отчаянно боролись, не желая погибать во цвете лет. Теперь уже никто не кричал. В тишине раздавались лишь глухие звуки ударов и сопение противников. В какое-то мгновение Виктор, изловчившись, забрался на лежащего на спине немца и, собрав последние силы, сомкнул на его шее пальцы. Послышались сдавленный хрип

и хруст ломающегося кадыка. Виктор, страшно оскалившись, смотрел на закатывающиеся глаза врага, но вдруг ойкнул и обмяк. Из его левого бока чуть ниже последнего ребра торчала рукоятка ножа. Хватка ослабла, но Виктор и в агонии продолжал душить немецкого сержанта. Через пару минут все было кончено, и тьма опустила тяжелый занавес на сцену, где только что сыграли трагедию.

Глава 11. Приказ к отступлению

Утром резко похолодало. Зима на правах хозяйки нагнала метели, запорошила мир белым метровым снегом и ударила жгучим морозом. Безмятежная белизна спрятала от глаз чахлое, загнивающее село, скованное кандалами оккупации. В памяти жителей, как легенды о древних счастливых временах, хранились воспоминания о том, как по первому снегу весь сельский люд выбегал на улицу, выволакивая кто лыжи, кто санки. Детишки устраивали возню на пригорке, откуда было удобно съезжать на салазках. Да и взрослые, заражаясь общим весельем, позволяли себе прокатиться разок-другой под общий радостный смех. Теперь эти воспоминания о мирной жизни казались приснившимися. Лязг немецких танков под ненавистный иностранный говор стал в нынешнюю зиму главным.

Анна подошла к изрядно исхудавшему настенному календарю и, оторвав лист с надписью «4 декабря», посмотрела на улицу...

Это утро началось не совсем привычно и даже неожиданно. Чуть свет в дом вбежал испуганный лейтенант и передал заспанному майору шифровку, чем вызвал крайнюю степень недовольства по поводу отнятых у него сладостных минут предрасветного сна. Клаус, прочитав донесение, ударился в легкую панику и тут же стал раздавать сердитые приказы, исполнения которых требовал незамедлительно. Анне было дано особое поручение: приготовить что-нибудь вкусное, а из закровов на свет божий появились две бутылки прекрасного «Château Haut Brion». Через три часа весь личный состав немецкого батальона сиял начищенными сапогами и отполированными касками. Ровно в полдень к дому подъехал штабной «фольксваген», из которого спустились два важных офицера в черной гестаповской форме. Радужный хозяин при полном параде лично встретил их у крыльца, провел в дом, но долгого разговора не получилось. Уже через двадцать минут гестаповцы все так же молча вышли из комнаты, уводя с собой Клауса Хейнеса — теперь уже бывшего майора СС. У одного офицера в руках был именной «парабеллум» бывшего майора — тот самый пистолет, из которого Клаус накануне так неудачно испортил портрет Великого Фюрера.

Приказом начальства обязанности командующего были переданы лейтенанту Фрингсу, что вызвало в нем моментальное преобразование не только внутреннего свойства, но и физического. Проводив офицеров, молодой лейтенант сразу же стал важным и вальяжным хозяином. Плечи долговязого лейтенанта распрямились, шаг сделался тяжелее, а лоб между бровями прорезала невесть откуда появившаяся властная складка. Походкой победителя Фрингс прошел в комнату и вызвал к себе Маргариту.

...«Хрен редьки не слаще», — подумала Анна и, скомкав оторванный календарный лист, швырнула его в помойное ведро.

В зале дома культуры, имитирующем приемный отдел сельской больницы, воняло немытым телом, мочой и прелым сеном. На сцене, где когда-то восседал президиум, сейчас вповалку лежали больные. Спертый, непроветриваемый воздух помещения затащило тяжелой поволокой болезни.

— Они были как белые бабочки. Чудесные бабочки по сцене! Легко-легко! — мычал в лихорадочном бреде Степан.

— Пить... Ради бога, дайте воды, — молил знакомый по колхозным собраниям гнусавый голос.

Анна принесла воды и, переговорив с бригадиром, вышла из дома культуры. После того как умер Виктор, за сельского врача остался бригадир, когда-то окончивший ветеринарный техникум.

Когда Анна дошла до своего дома, лейтенант стоял перед строем немецких солдат и строго раздавал приказы. Дождавшись конца построения, Анна подошла к Фрингсу.

— С вашего позволения, я давно уже хотела попросить о помощи. В сарае троим людям нужен врач. У них высокая температура, их бьет озноб. Без лечения они могут умереть.

— Трое, говорите? — призадумался лейтенант. — Сержант, этих троих вывезти из села и показать врачу.

— Благодарю вас, господин Фрингс, — обрадовалась неожиданному благородству немецкого офицера Анна, — вы очень добры.

Через пятнадцать минут трое немецких солдат в сопровождении Анны вошли в актовый зал дома культуры. Поднявшись на сцену, где лежали больные, солдаты бесцеремонно поставили на ноги тех, на кого указала Анна, и пинками погнали их к выходу.

— Куда это их? — спросил бригадир.

— К врачу, — ответила Анна. — Я попросила лейтенанта показать их доктору.

— Ясно... — горько выдохнул бригадир. — От этого врача еще никто не возвращался.

Немецкий грузовичок с больными остановился у поля, некогда засеянного подсолнухами. Засыпанное снегом, оно было похоже на огромный нетронутый лист ватмана.

Высадив больных, солдаты подвели их к небольшому обломку стены, оставшейся от разрушенной железнодорожной станции. «Иди, товарищ, на...» — гласила уцелевшая часть знаменитого лозунга на полуразрушенной стене. Старожилы помнили, как когда-то местный художник по заданию начальства нарисовал на стене, напротив которой останавливались поезда, бравого тракториста с крестьянкой, которые своим счастливым видом и призывом «Иди, товарищ, к нам в колхоз» заманивали в родное село колесящих по советским просторам людей.

Шатающихся на слабых ногах мужчин подвели к грязной, изрешеченной отверстиями от пуль стенке. Три черных сгорбленных и дрожащих от холода фигуры доживали последние мгновения своей жизни.

Степан, собрав последние силы, выпрямился и, посмотрев на буднично переговаривающихся о чем-то немецких солдат, удивленно моргнул. Перед ним с автоматами в руках стояли три одетых в белоснежные балетные пачки немца, а из кабины грузовичка, нервно подергивая длинным хоботком, выглядывала огромная бабочка. Докурив сигаретку, один из танцовщиков носком пуанты изящно вдавил окурочек в снег и направил на Степана дуло автомата. Последовала короткая команда, и оглушительный треск автоматов градом пуль срезал стоявших у стены людей. Уходил еще один унылый день. По комнате легкой дымкой стелилась «Прелюдия № 4» Шопена, любовно исполняемая на пианино. Красивая мелодия мягко окутывала мир теплой пеленой, делая его томным и печальным. Музыка накрывала село тончайшей кисеей, сглаживала реальность, уносила в прошлое, где не было ни войны, ни смертей, а немцы ассоциировались только с фамилиями Гёте, Бах, Ницше и Шопенгауэр. Анна с отсутствующим видом убирала со стола, когда гневный окрик лейтенанта вернул ее в душную комнату.

— Was herumkramst du? Schnelle!

Анна вздрогнула и, втянув голову в плечи, поспешно выбежала из комнаты с грязной посудой в руках.

Лейтенант, вальяжно раскинув ноги, сидел на диване между Маргаритой и Ольгой. Положив руки им на колени, он наслаждался превосходством и властью.

В этот момент дверь распахнулась, и в комнату без стука вбежал чем-то обеспокоенный радист. Лейтенант открыл глаза и метнул гневный взгляд на дерзкого солдата. Радист под его тяжестью вдруг опомнился и вытянулся в струнку в фашистском приветствии.

— Что вы себе позволяете, рядовой? — процедил сквозь зубы Фрингс.

— Господин лейтенант, срочная депеша из штаба, — радист протянул листок бумаги офицеру.

Лейтенант взял бумагу и молча пробежал глазами по депеше.

— Сейчас же свяжите меня со штабом! — крикнул лейтенант и прошел в комнату, где располагался пункт связи.

Анна мыла посуду, когда увидела встревоженного лейтенанта, который почти бегом направился в связную. Тонкая стенка кухни, отделявшая ее от связной, обеспечивала превосходную слышимость, поэтому во время переговорных сеансов всех, включая Анну, выгоняли на улицу. Но сейчас за ней никто не пришел, и Анна слышала все, происходившее за стеной. Через несколько минут жужжания до Анны вдруг донесся голос радиста, вызывающего штаб. После нескольких позывных, радист передал трубку лейтенанту:

— Штаб на связи.

— Это лейтенант Фрингс. Я только что получил шифровку о выводе нашего подразделения из занятой точки и соединения его с частями 24-го моторизованного корпуса под командованием генерала Гейра фон Швеппенбурга.

В голосе лейтенанта чувствовалось волнение, но еще больше в нем сквозила досада.

— Что у вас там, черт возьми, происходит? — отбросив церемонии, выпалил Фрингс.

Наступила тишина. Очевидно, лейтенант слушал собеседника. Было件нятно, что с того конца связи приходили не самые радостные новости, что выливалось в короткие проклятия из уст лейтенанта.

— Не может быть... Но почему?.. Черт возьми! Будь они прокляты! Как это могло случиться, ведь наши войска в этом направлении намного превосходили русских в военной мощи... Ясно. Так точно. Я сейчас же распоряджусь.

Лейтенант громко повесил трубку и грязно выругался.

— Что случилось, господин лейтенант? — послышался испуганный голос радиста.

— Операция «Тайфун» провалилась. Мы не смогли взять Москву. Теперь ожидается контрудар русских, а немецкая армия поспешно отступает, чтобы собрать силы и готовиться к обороне. Последняя фраза была сказана так обреченно, что стало ясно: теперь они будут только защищаться, и о наступлениях можно надолго забыть.

Анна, затаив дыхание, прислушивалась к разговору за стеной. Новость так взволновала ее, что она уронила тарелку, которую все еще держала в руках. Раздался громкий звон бьющейся посуды.

— Кто здесь? — тут же прозвучал голос лейтенанта.

Послышались приближающиеся шаги, и дверь кухни с грохотом открылась. В коридоре стоял лейтенант.

— Шпионка! — заорал лейтенант. — Подслушивала тут?

Он потянулся за пистолетом. В его глазах горели ненависть и решимость.

«Как обидно умереть именно в этот день. В день, когда все должно было измениться», — успела подумать Анна и зажмурилась.

Глава 12. Дети-ангелы

Послышался выстрел, но совсем не тот, которого ждала Анна. Вместо оглушительного грохота до Анны донесся далекий хлопок откуда-то с окраины. За первым выстрелом последовал другой, потом третий, и вскоре одинокая пальба перешла в череду автоматных очередей, к которым примешалось уханье взрывающихся гранат. Стало ясно, что на краю села идет ожесточенный бой.

Лейтенант недоуменно повернулся к выходу. Прислушавшись к звукам, офицер тут же забыл про Анну и выбежал на улицу.

— В чем дело? Кто стреляет? — заорал лейтенант.

— Это партизаны, господин лейтенант. Они атаковали нас со стороны леса, — доложил ему прибежавший сержант.

— Много их там?

— Не знаю, но стреляют отовсюду.

— Быстро передай всем, что объявлен приказ об отступлении. Чтоб через двадцать минут колонна была готова к началу отхода.

У молодого сержанта от таких новостей отвисла челюсть, и он робко спросил:

— Господин лейтенант, мы не примем бой? Это же просто партизаны! Я уверен, что мы сможем разбить их отряд.

Лейтенант, который уже собирался войти в дом, остановился и повернулся к сержанту.

— Не будь идиотом, рядовой, мы не убегаем от партизан. Поступил приказ о переброске нашего батальона в другую точку. Выполнять приказ! — рявкнул лейтенант и поспешно скрылся в доме.

Держа пистолет наготове, Фрингс зашел на кухню, но там уже никого не было.

Анна уже со всех ног бежала к сельскому клубу. Она слышала звуки выстрелов со стороны леса и с нескрываемым удовольствием отмечала, что выстрелы становятся все ближе. Добежав до клуба, Анна стала яростно барабанить в закрытую дверь. Из узкой темной щели приоткрытого проема показалась голова бригадира.

— Что случилось? Кто стреляет? — стал забрасывать он вопросами запыхавшуюся Анну.

Чувствуя, что силы оставляют ее, учительница привалилась к стене и, чуть отдышавшись, сказала:

— Это партизаны! Они уже здесь. Немцы не смогли взять Москву, и теперь их войска отступают.

— Это правда? — бригадир не мог поверить собственным ушам.

— Правда. Я сама слышала, как лейтенант говорил со штабом. Объявлено отступление, и фрицы сейчас собирают колонну, чтобы уехать отсюда.

— Господи, не может быть!.. Неужели это все? — Потухшим голосом произнес бригадир и, упав на колени, стал неистово молиться.

Было странно видеть атеиста, партийного работника, который, стоя на коленях, со слезами на глазах воздавал хвалу Всевышнему, небесам и всем святым по очереди и вместе взятым.

Двери клуба были плотно закрыты изнутри. Люди с волнением прислушивались к каждому звуку, доносящемуся снаружи. Бой, перекочевавший из-за окраины на сельские улицы, со временем стал затихать и закончился длинной автоматной очередью со стороны недавно возведенной бани. Вдали зарокотали моторы и послышался гул отъезжающей колонны. Наступила тишина. Казалось, само время провалилось

в эту давящую пустоту, которую нарушал лишь стук будто бы одного на всех, в унисон бьющегося сердца.

— Эй, есть кто живой? — вдруг окликнул кто-то из-за стены на родном русском языке.

Первым очнулся бригадир. Чуть приоткрыв дверь, он выглянул на улицу. На красном от крови снегу среди мертвых фашистов ходили люди в старых ватниках. В руках у них были ППШ и отнятые у противника автоматы МР-40, в народе прозванные «шмайсерами».

— Это партизаны! Наши, наши! — закричал бригадир, выбегая на улицу. За ним из клуба высыпали люди. На глазах у всех были слезы радости и безмерной благодарности. В радостной суматохе и сутолоке бесконечных объятий о детях первой вспомнила Анна.

— Господи, а дети где? — эти слова будто ударом молнии вернули людей к реальности.

«Миша, Миша, выходи. Немцы ушли», «Ванюша», «Костя», «Машенька, внучка, где ты?» — понеслось со всех сторон. Все побежали к сараю. Распахнутая дверь не предвещала счастливого воссоединения семей. Сарай был пуст.

— Раечка!.. — кричала Анна, на бегу заглядывая в каждый подвал и закоулок.

Когда она добежала до центральной улицы и увидела баню, сердце сжалось от нехорошего предчувствия. Дойдя до новостройки, Анна дрожащей рукой взялась за ручку двери и потянула ее к себе. Дверь бани легко поддалась и, распахнувшись, окатила Анну тошнотворным запахом крови. Кромешная тьма смотрела на нее изнутри, точно голодный зверь, жаждущий растерзать все, что попадет в его распахнутую пасть. Анна нерешительно шагнула внутрь и стала присматриваться. Глазам, постепенно привыкающим к темноте, открылась жуткая картина, центром которой была гора небрежно сваленных в кучу детских тел. Анна в ужасе отшатнулась. Кошмар сковал горло, парализовав дыхание. Вместо вздоха раздался клокочущий свист. Анна, не в силах оторвать взгляд от застывших, немигающих детских лиц, попятилась назад и, оставляя на снегу кровавые следы, упала на землю. За ее спиной уже стали собираться люди. Раздался душераздирающий крик. Двое партизан вошли в баню. Анна шумно глотнула воздуха. Туманная пелена перед ее глазами стала рассеиваться, превращаясь в обжигающий поток слез. Сейчас должны были обрушиться небеса или земле следовало провалиться. Для Анны мир должен был исчезнуть навсегда. Или уже пропал, и она в аду. Поверить в то, что такое возможно в реальной, земной жизни, учительница не могла.

Сплошь залитые кровью полы расплывались перед глазами Анны. Откуда-то потекли прозрачные потоки чистой воды. Вымывая кусочки дощатого пола, они рисовали разводами чудесные алые розы. Среди цветущего розового поля Анна заметила Раю. Тихим ангелом казалась тоненькая девочка, окруженная роскошными цветами. Тихо и медленно открыла она прозрачные веки, распахнула огромные глаза, обведенные тенью пережитых страданий. Девочка увидела Анну и легко-легко, даже не касаясь земли, словно маленькая бабочка, полетела к бабушке сквозь заросли роз.

Анна судорожно схватила Раю, словно боясь, чтобы ветер не унес прозрачного мотылька. Она прижала девчущку к груди, обливая ее горячими слезами. Цветущий сад вдруг растворился в мутно-бурой воде, которая, журча и пенясь, уходит в слив бани.

— Бабушка, бабушка... — совершенно отчетливо услышала Анна тоненький голосок Раи.

Его она могла бы узнать из миллионов других.

— Рая, я здесь. Я пришла за тобой! — откликнулась Анна в полной уверенности, что земная жизнь для нее уже закончилась и теперь она такой же бестелесный ангел, как ее маленькая приемная внучка.

Из темной, забрызганной кровью бани, держа в руках живую Раю, вышел мужчина. Перемазанная грязью и запекшейся кровью, девочка дрожала от холода, но все-таки была жива и здорова.

— Под скамейкой пряталась девочка, — улыбнувшись, сказал светлый мужчина с пышными усами.

— Господи, Рая! Моя девочка! — только и успела прошептать Анна, прижав хуленькое тельце Раи к груди, прежде чем надрывный плач стал сотрясать все ее тело и перешел в какой-то животный вой.

Похоронив погибших и выждав три дня, оставшиеся жители села собрались в клубе, чтобы обсудить, как жить дальше. На повестке дня стояли важные вопросы возрождения и обустройства колхоза. Обескровленное село нуждалось в людях и средствах, которых негде было взять. Чудом избежавшие гибели от немецкой пули, люди сильно рисковали умереть от голода, не дотянув до весны.

Сельский клуб вместил в себя всех немногочисленных жителей. Кто-то принес припрятанный портрет Сталина, который занял свое законное место над сценой. Тут же выяснилось, что спасти Ленина не удалось. Бригадир из подвала выволок на сцену трибуну и бережно отер с нее пыль. Красная скатерть с нашитым сверху серпом и молотом стала флагом, гордо развевающимся на крыше клуба.

Притихшие крестьяне молча расселись по местам. Многие еще оплакивали безвременно ушедших близких и родных. То тут, то там слышались приглушенные всхлипывания женщин и невнятные проклятия.

Бригадир сидел за импровизированным письменным столом из ящиков, поставленных друг на друга. Сосчитав присутствующих, он вздохнул:

— Пятьдесят шесть человек, включая меня. Только бабы да пара стариков.

— А сколько было? — тихо спросил привычный гнусавый голос из зала.

— До фрицев в селе проживало триста сорок три человека, — сказал бригадир, сверившись с бумажкой.

— Сволочи... — горько буркнул голос.

— Товарищи, я сейчас не хочу говорить о горе, которое нас постигло. Все присутствующие его пережили и забыть не смогут. Царствие небесное нашим погибшим, — неумело начал он и ненадолго замолчал.

— Товарищи, немцы ушли, но среди нас остались еще враги народа! — теперь голос бригадира зазвучал увереннее и громче. В нем отразились угрожающие нотки. — Вы все знаете, кого я имею виду.

Все одобряюще закивали, а некоторые повернулись к Анне.

Одна женщина, закутанная с ног до головы в грязные шали, крикнула:

— Нужно разобраться с этими шалавами. До каких пор мы будем их терпеть? Они позорят весь советский народ. Все время, пока немцы были здесь, эти гниды не вылезали из их постелей.

— А до фрицев уводили наших мужей, — добавила другая, хотя все знали, что у нее никогда не было мужа.

С задних рядов раздался старческий голос:

— Привязать их за волосы к конскому хвосту да и пустить в галоп. В стародавние времена так и делали с порченными девками.

— Правильно, нужно кончать с ними, — подытожил гнусавый голос.

Люди, подхваченные общей идеей, повскакивали со своих мест и, не обращая внимания на испуганную Анну, прижимавшую к себе плачущую девочку, в едином порыве устремились к их дому.

Странное чувство жалости защемило сердце старой учительницы. Она не испытывала его к невесткам еще никогда. Сколько раз сама она втайне мечтала придушить

этих распутных девах! Но вот сейчас привычное омерзение, гадливость и ненависть вперемешку с обидой за преданных сыновей почему-то оставили ее. Перед ревущей волной человеческого гнева она вдруг обмерла и закричала:

— Люди добрые! Извольте объясниться! Остановитесь! Они ведь тоже жертвы этой проклятой войны! И досталось им от фрицев не меньше вашего!

Бригадир резко обернулся. Налитые яростью глаза его требовали возмездия. И уже не имело никакого значения, на кого прольется буря ненависти и злобы, так долго копившаяся в сердцах обездоленных селян. И насколько решение будет справедливым, тогда никого не интересовало.

— А вы по-прежнему против советской власти? Неужели вы будете отрицать, что в школе велась пропаганда немецкой культуры, когда вы называли ее великой? Уж не вы ли называли дикостью священный гнев народа, убившего фашиста в соседней деревне? Или это не вы работали у них переводчицей, помогая захватчикам в их делах против нашей Родины?

— Но если бы я не переводила вам их приказы, они бы давно расстреляли вас!

— Буржуйка! Изменница! Предательница! — понеслись из толпы многоголосые женские ругательства, перемежаемые потоками отборной брани.

— Я не изменница, я учительница.

— Для кого? Для наших расстрелянных детей? Это ты виновата в их смерти.

— Это она! Она! — со всех сторон услышала Анна сквозь боль и страх. Несколько не по-женски крепких и сильных кулаков уже успели оставить отметины на ее теле. Ключья волос, с хрустом вырванных из ее головы, летели во все стороны. И последним, что увидела несчастная женщина перед тем, как потерять от боли сознание, была неестественных размеров подошва армейского кирзового сапога, впечатавшаяся в область переносицы.

К переставшей сопротивляться жертве хищники потеряли всякий интерес. Ярость бурлила в разгоряченной толпе, а жажда крови звала осмелевших в своем единстве баб на новые подвиги.

— Вы не люди, слышите? Вы звери! — собирая остатки сил, чтобы остановить удаляющуюся в сторону ее дома толпу, прокричала едва очнувшаяся Анна.

Только ее уже никто не слышал. Могучая разгоряченная масса, будто стервятники, почуявшие запах свежей крови, рвалась к цели, и теперь ничто не могло остановить ее.

Анна подобрала оборванные лоскуты платья, чтобы прикрыть наготу, еле-еле поднялась и села на измятой и вытопанной оголтелым табуном траве. Вдали шумела толпа, рвущаяся к ее дому. Возникло странное ощущение, что все это она уже видела когда-то... И точно так же рвались вперед народные массы, прорываясь на штурм Зимнего дворца. И так же жаждали они свежей человеческой крови...

«Обычная житейская логика — удел большинства людей, — вспоминала Анна слова старого профессора. — Если человек плюнет на общество, то общество не обратит на это внимания, а если общество плюнет на человека, то он захлебнется».

На мгновение все стихло. Людское море замерло перед домом учительницы. Порывистым шагом бригадир поднялся на крыльцо. Громко стукнула входная дверь, распахнутая резким ударом трофейного армейского сапога. Бригадир по-хозяйски прошел внутрь.

После ухода немцев Анна вынесла из дома весь скарб вместе с мебелью и без сожаления сожгла. Себе она оставила лишь старые фотографии и книги. Пианино было вывлочено в сарай и накрыто простыней. В доме не должно было остаться ничего, носящего следы прикосновения фашистских лап. Что делать с невестками, которых чьи только руки не касались и уже негде было пробы ставить, Анна не знала.

...Бригадир прошелся по комнатам и нашел Маргариту и Ольгу в дальнем углу дома, где располагался бывший пункт связи. Они сидели на охапке сена и, прижавшись друг к другу, смотрели на вошедшего мужчину. В их глазах застыли мольба и страх. Старенькое платье Ольги, которое она нашла в чулане взамен сожженного, беззащитно задралось, обнажая белую кожу бедер и волнительный треугольник трусов. На Маргарите же ничего не было, кроме обмотанной вокруг тела старой простыни. Бригадир и женщины молча смотрели друг на друга. Тишину комнаты нарушало лишь уютное потрескивание дров в растопленной буржуйке. Мужчина, многозначительно улыбнувшись, вышел в коридор и запер изнутри входную дверь. На обратном пути, заметив на стене рамку с фотографией Михаила и Якова, он остановился и, поразмыслив, повернул ее лицом к стене.

Прошло минут пятнадцать, прежде чем Силантий Петрович вышел к взволнованным людям. На ходу заправляя в кушак расстегнутую рубашку, бригадир, замаявшись, сказал:

— Товарищи, давайте простим их. Они обещают больше не позорить доброе имя советской женщины. И потом, нельзя быть такими жестокими. Там же все-таки мать малолетней Раи... Ее-то кому воспитывать? Что ж мы, хуже фашистов? Будем своих же добивать?

Время покатило своим чередом, подминая под себя пережитые беды и лишения. Село мало-помалу приходило в себя. Начали оживать отдельные дворы. Оставшиеся женщины, не успев оплакать погибших родных, теперь работали за троих. Люди, чудом избежавшие смерти, изо всех сил цеплялись за жизнь. Где-то по-прежнему грохотали взрывы, и земля щедро питалась кровью солдат, но в пережившее оккупацию село пришел голодный, нищий, однако такой желанный мир. Общими усилиями был выстроен сельсовет, куда уже в должности председателя колхоза перебрался бывший бригадир.

Глава 13. Извещения

Весна делала первые робкие шаги по заснеженной земле. Легким дуновением теплого ветерка, ласковым солнечным лучом она постучалась в запертые двери зимы и разбудила притихших воробьев, которые теперь наперебой чирикали, облюбовав кусты и деревья. Всюду разносился терпкий запах оттаивающей земли, которая медленно, будто спросонья, сбрасывала с себя ледяные оковы. То тут, то там черными мазками по белоснежной бумаге появлялись первые проталины. Зима не спешила уходить. Держась за ночь, будто за спасательный круг, она еще хорохорилась колючими морозами, но было件нятно, что ее век уж недалог.

Анна, не разбирая дороги, бежала к сельской почте. В глазах все расплывалось от слез, а сердце рвалось выпрыгнуть из груди. Пять минут назад прибежала Рая и сказала, что на почте ее спрашивали.

Тяжелый труд, переживания и постоянная бессонница сделали свое черное дело, превратив когда-то подтянутую, всегда ухоженную женщину в худую старушку с ввалившимися глазами и глубокими морщинами на лице. Казалось, что за каких-то полгода она успела состариться на двадцать лет. Надежда на то, что она когда-нибудь увидит детей, умирала с каждым днем, превратившись из большого ветвистого дерева в маленький трухлявый пенек. Уютно обосновавшись на новом месте, надежда глубоко вросла корнями в испугленную материнскую любовь и пустые бабьи мечты о чуде. В ее душе медом растекались разговоры о солдатах, которые возвращались спустя месяцы после того, как их объявляли пропавшими без вести. Она тысячи раз представляла, как среди ночи в прихожей послышатся родные голоса и застучат кирзо-

вые сапоги. Но не было ни письма, ни похоронки. Эта неопределенность, будто ядом, капля за каплей отравляла ей жизнь. «Ждать, надеясь» или «жить, зная» — этот выбор был слишком тяжел для Анны.

Новая почта, где посменно работали две женщины, располагалась в здании сельсовета. Для нее была отведена просторная комната с отдельным входом с улицы, в которой всегда толпилось много людей. Колхозники отправляли и получали письма, брали газеты, справлялись о весточке или просто приходили, чтобы обсудить последние новости. Было приятно пройти по чистой, ярко освещенной комнате, которая разительно отличалась от обычной окружающей серости, олицетворяла новую, наполненную светом надежды жизнь.

Тяжело дыша, Анна взбежала по лестнице и, не обращая внимания на вывеску «Обед до 15.00», распахнула дверь. За стойкой выдачи писем сидела пожилая женщина в нарядном ярко-красном платье, которое, по-видимому, должно было олицетворять сильную и вечную советскую власть. Достав из сумки половинку вареной картофелины и краюху ржаного хлеба, она как раз собиралась обедать.

— Манька, мне что-то есть? — впопыхах крикнула Анна.

— Ну, что за люди такие, а? Все ходю и ходю. Пожрать спокойно не дадут! Читать не умеешь? Написано же русским языком: «Обед»! — недовольно сдвинула брови женщина в красном.

— Мань, ей-богу, сейчас не до этого. Умоляю, не томи!

— Ой, ну что ты будешь делать? Не знаю я. Только сейчас сменила Валю. Погодь, посмотрю.

Женщина, ворча, стала рыться в кипе бумаг. Перебирая многочисленные конверты, она вдруг остановилась и посмотрела на Анну. В ее глазах отразилась жалость.

— Ну, что? Есть? От сыновей? — переходя на крик, спросила Анна.

— Я... я не знаю. Слушай, Анют, ты только не волнуйся, хорошо? На вот... тут только это...

С этими словами она вытащила из кипы писем серенький конверт с блеклыми печатями на обороте. Анна дрожащими пальцами вскрыла конверт и взглянула внутрь. В конверте лежал испещренный машинописными буквами листочек. С замиранием сердца женщина начала читать. Глаза все еще туманила мутная пелена слез. Руки отчаянно не слушались и дрожали, отчего строки сливались в одно большое пятно. Взгляд прыгал по словам, пробегая десять раз по одной и той же строчке, но сознание отказывалось понимать суть. «Извещение», «Приказ НКО СССР...», «...за Социалистическую родину, верные воинской присяге...» — простые слова из казенной бумажки разбивались о стену неприятия материнского сердца. Ей вдруг стало дурно. Комната вокруг Анны заплясала, и чтобы не упасть, женщина оперлась на стойку.

— Господи, Ань! Да ты белая что твой мел! Ты чего? Никак помирать собралась? — испугалась баба Маня.

Анна, не видя и не слыша ничего вокруг, уставилась на стену.

— На-ко вот, пожуй валерьянки, — протянула ей баба Маня несколько сухих корешков.

«...Ваши сыновья, лейтенант Бровин Михаил Григорьевич и старший сержант Бровин Яков Григорьевич, при выполнении боевого задания пропали без вести...» — стучали в голове строки из документа.

— Как «без вести»? Что значит «без вести»? — прошептала сухими губами Анна.

— Мне очень жаль, Ань, но... ты подумай... это же лучше, чем «убит», — донесся откуда-то издали голос бабы Мани.

Вопросы потекли рекой... Оплакивать или ждать? Смириться или надеяться? Они снова будут приходить во сне ни живыми, ни мертвыми и исчезать, едва откроют-

ся глаза? «Пропасть без вести» — это когда тебя не нашли среди убитых, но тебя нет и среди живых?

«Пропасть без вести» — это когда ты живешь, пока тебя ждут, и умираешь, когда тебя забывают?

Анна на ватных ногах вышла из душной комнаты и села на лестнице. Судьба, зло-
радно скалясь, упорно была ее в одно и то же больное место.

Вдруг Анна просияла. Пересуды о невестках ее больше не волновали. В голове мелькнула простая мысль, которая одним махом разрубила узел материнских сомнений и мучительных переживаний:

— Все! Теперь пережитое не имеет никакого значения. Во всем виновата только война. Одна она. Будь она проклята!

Встав с лестницы, Анна резким движением разорвала извещения и швырнула их в сторону. Ключки бумаги, разлетаясь по земле, выстлали ей дорожку к дому. Утерев рукавом слезы, Анна пошла домой: нужно было еще успеть наколоть дров.

* * *

Чистое безветренное утро подарило привычную прохладу. Свежий воздух частично смазывал все, что занозой саднило истерзанные души.

Давно замолчавший репродуктор вдруг откашлялся и захрипел. Стайка воробьев, облюбовавшая спокойное и тихое местечко, испуганно сорвалась со столба.

Хрипя и надрываясь, глотая слова, репродуктор ожил и снова вещал: «От Советского Информбюро... ска... бедным маршем... безоговорочная капитуляция... мании...» На этих словах агония умирающего репродуктора прервалась. Трофейная трубка, оставленная немцами, сорвалась вниз и мягко шлепнулась в молодую зелень. Рая подхватила неведомый предмет и побежала показать бабушке с тысячей вопросов.

Анна сидела на кровати и смотрела в окно на пустую дорогу. Счастливые колхозники, словно сумасшедшие, вдруг стали бросаться друг другу в объятия, горланить что-то, плясать... Бывшая учительница привыкла не придавать большого значения своим видениям. После того пианино в сарае уже ничто не могло растревожить или взволновать ее.

С трубкой в руках в комнату влетела Рая.

— Бабушка, война закончилась! Ба! — девочка замялась у кровати, видя по-прежнему отрешенный взгляд Анны.

— Бабуль, ты что это? — захныкала девочка и тихонько выбежала прочь к танцующим соседям.

* * *

На станции было многолюдно. Все собрались на платформе и с нетерпением ждали прибытия поезда, отмечая, что рельсы снова ожили, разнося по окрестностям запахи мазута.

Долгожданный состав остановился и известил об этом бодрым гудком. Встречающие замерли в ожидании. В звенящей тишине замер немой вопрос: «Почему же из поезда никто не выходит?»

Состав качнулся и стал плавно набирать ход. Люди зашептались, переглядываясь. Вдруг вдали кто-то заметил человека в военной форме, идущего по рельсам от хвоста уходящего поезда.

— Смотрите!

Взгляды присутствующих разом обратились к солдату. Воображение каждого стало дорисовывать в нем родные забытые черты сына, отца, мужа.

Но с каждым шагом образ солдата становится четче, полнее, принося разочарование большинству собравшихся.

— Сынок!— вдруг раздался в толпе восторженный голос.

Селяне с букетами мгновенно окружили солдата плотным кольцом. Седой парень, в котором уже невозможно было узнать едва достигшего совершеннолетия мальчишку, каким он уходил на фронт, крепко обнял отца. Бодро поздоровавшись с присутствующими, парень достал из вещмешка солдатскую флягу, налил в ее крышку, служащую походным стаканом, молока. Под гул всеобщего одобрения он протянул его маленькой Рае. Та ответила солдату благодарным взглядом и одним глотком осушила крышку. Парень рассмеялся, а селяне подхватили его на руки и стали подбрасывать вверх, чувствуя победителя.

Шумная толпа неспешно удалялась в сторону села. Все наперебой спрашивали о своих родных:

— А что, правда война закончилась?

— А Гитлера поймали?

— А в магазинах теперь появятся продукты?

— А мужа моего не встречал?

— Мой папка писал, что он в Польше. А ты там не был?

И только одинокая неподвижная фигура, словно высеченная из камня, неподвижно стояла и невидящим взглядом смотрела в туманную даль убегающих рельсов...

* * *

По всем окрестностям разлетались счастливый смех и неумолкающие звуки гармонии. На берегу реки среди полевых цветов и изумрудно-зеленой травы колхозники жарили мясо. На импровизированном столе — огромном куске холщовой ткани, под которой фашисты раньше прятали от советских самолетов свои огнестрельные орудия, были расставлены скудные яства: пучки лебеды и укропа, несколько случайно выживших луковиц, проклюнувшихся на огороде деда Володи из его давней рассады, оранжевые тыквы. Как будто земля при живых хозяевах пожадничала отдать им свой щедрый урожай. Самым большим подарком для крестьян стали перепелиные яйца. Рая специально лазила за ними в заросли бурьяна на развалинах дома деда Володи, собирала по разворошенному снарядами, но густо поросшему осотом полю на окраине села.

Бригадир налил мутной жидкости в граненый стакан и взял слово:

— Друзья, давайте выпьем за советскую власть! Мы верим в ее будущее. И хотя сегодня мы закололи предпоследнюю козу колхозного стада, но все равно верим, что партия поможет нам снова возродить наши богатства. За Сталина! За Победу!

Как до войны, снова растревожила души и увлажнила глаза песня Утесова «Сердце», так давно не звучавшая в этих местах. Женщины сорвались с мест и закружились друг с другом парами на импровизированной танцплощадке среди маков и васильков. Подхваченные ветром, письма поднимались в воздух и уносились в сторону железнодорожного вокзала.

Анна, держа в руках несколько клубней картофеля, села в сторонке от односельчан. Она разожгла огонь и теперь бросала в него картофелины, сидя перед костром и не сводя глаз с пляшущего пламени. Люди украдкой посматривали на нее. Через некоторое время они поодиночке начали подходить, собираясь вокруг. Анна сидела непо-

движно, устремив рассеянный взгляд на яркие языки пламени. Картошка обуглилась, потрескалась и стала рассыпаться черной трухой седой золы.

Сзади кто-то горько выдохнул: «Проклятая война! Это она во всем виновата». Со-чувственный шепот пробежал по окружившей Анну толпе, но она, словно каменная статуя, установленная в честь материнской любви всех советских женщин, осталась неподвижной и безмолвной. Лишь бродяга ветер, запутавшийся в ее седых волосах, выдергивая по локону из аккуратной прически, оживлял мертвенно-бледный образ.

* * *

Анна присела на дорожку. Перед ней лежал аккуратно уложенный чемодан. Женщина напоследок обвела глазами когда-то родные стены опустевшего дома, устало скользнула взглядом по черной лакированной крышке пианино, утратившей глянец из-за безобразных потертых проплешин. Его звуки давно смолкли и больше не тревожили ее сердца. Ноги сами принесли ее к школе, вокруг которой собралось все село.

Вдруг бывшая учительница почувствовала нежные, но крепкие объятия и удивленно опустила усталые глаза. «Бабушка, не уезжай!» – маленькая Рая никак не хотела расцепить тоненькие ручонки, обвивавшие талию Анны. Та присела и поцеловала внуку. Потом резко встала и, высвободившись из цепких объятий, решительно зашагала к вокзалу. Собравшиеся соседи молча последовали за ней. Эта процессия напоминала безмолвную демонстрацию, собирающую с обезлюдевших улиц все больше участников шествия.

По обочине шагали два неместных солдатика, пешком возвращавшихся в родные места. Один из них, убитый сединами, изумленно остановился у дороги. «Интересно, куда это они?» – почесав затылок, в растерянности пробубнил он. «Наверное, какой-то парад», – отвечал второй, совсем молодой парень.

Подойдя к тяжело дышащему паром составу, Анна на секунду остановилась. Но тут же, словно сбросив с себя невидимый груз, встряхнулась и, не оглянувшись, поднялась в вагон. Солнце завалилось за край озаряемого алыми всполохами горизонта. В розоватом мареве особенно яркими показались огромные головы подсолнухов, разросшихся по окрестным полям без помощи человека. Золотыми лепестками, обрамляющими еще зеленоватую сердцевинку, они, будто платочками, махали вслед уходящему поезду. В последний раз огласив окрестности протяжным гудком, состав утонул в их цветущем море.

Глава 14. Мелодия слез

Весна 1975 года.

– Извините, а погода солнечная или пасмурная? – странный вопрос вывел Анну из задумчивости.

Рядом с ней на скамейке сидела девочка лет десяти с тросточкой в руках. Ее немигающий взгляд был устремлен на Анну, но казалось, что девочка смотрела сквозь нее. У ее ног, весело махая хвостом, вертелась маленькая собачка.

– Сейчас пасмурно, деточка. А ты разве не видишь?

– Нет, бабушка, не вижу. Я с рождения не вижу. Мама говорит, что это следствие какого-то там вируса, – девочка перевела взгляд на небо. – Я различаю только свет и тьму.

Сердце Анны наполнилось горечью и состраданием.

— Все меня видят, а я никого не вижу, — тем временем продолжала девочка. — Прямо как в прятки. Это игра такая. А еще мама говорит, что боженьку тоже никто не видит, а ему видны все. Значит, я близкий к боженьке человек.

Наивные детские слова тисками сжали душу пожилой женщины.

— Скажите, — продолжила девочка, — а если нет солнышка, значит, все вокруг темно? Значит, сейчас все видят, как я?

Анна молчала.

— Если сейчас темно, то должна выйти луна. Мама говорит, что я лунолика, — продолжил общительный ребенок.

— Нет, небо сейчас совсем не темное. Просто солнышко зашло за облака. А твоя мама права, ты действительно лунолика.

— А правда, что луна показывает дорогу заблудившимся путникам?

— Да, дорогая, это так.

— Мама всегда так много интересного рассказывает, а я, к сожалению, не могу всего понять. Но мне же все равно интересно! А папа не понимает меня. Когда я спрашиваю его о чем-то, он ворчит, чтобы я не приставала к нему с вопросами.

— Знаешь, — пытаюсь не сорваться на плач, заговорила Анна, — иногда мне кажется, что люди, которые не видят, самые счастливые. Потому что в этой жизни есть много горького, того, чего не следовало бы видеть.

— Горького, как острый перец?

— Да, миленькая, как перец.

— А у вас дети есть?

Этот простой вопрос поставил Анну в тупик. Она и сама уже не знала, есть ли у нее дети, или их давно нет.

— Не знаю, деточка. Я их давно не видела.

— Какая вы смешная, бабушка. Я тоже вас не вижу, но это не значит, что вас нет.

— Софья, Сонечка! Вот ты где! Я чуть с ума не сошла! — прозвучал совсем рядом взволнованный женский голос.

— Мамочка, все хорошо! — отозвалась девочка и оглянулась на голос.

К скамейке подбежала запыхавшаяся женщина и обняла слепую дочку.

— Ты как здесь очутилась? Я всего на секундочку отпустила твою руку! — скороговоркой, то ли оправдываясь, то ли браня, говорила мать, покрывая лицо и руки слепой девочки поцелуями. В ее голосе было только облегчение и ни капли злости на непоседливого ребенка.

— Здесь была собачка. Я услышала ее и пошла.

— Больше так никогда-никогда не делай, мое солнышко. Ты же знаешь, как я тебя люблю и волнуюсь.

Мать взяла девочку за руку и повела в сторону вокзала.

— Спасибо, что присмотрели за ней! — вдруг опомнившись, поблагодарила женщина Анну.

Вечер медленно укрывал мир темной вуалью. Вокзал пустел, переполненные вагоны увозили суетливую толпу. Теплый апрельский вечер, разогнав дневные облака, мерцал на оранжевом горизонте первой вечерней звездой. Сумеречная мгла, будто подкрадывающаяся кошка, неслышно ступала по улицам города, с каждым шагом вытесняя собой дневной свет. Совсем рядом, пробившись сквозь умолкающий городской шум, застрекотал сверчок.

До последней электрички оставалось двадцать минут, когда Анна, завязав мешочек с семечками, направилась к своему перрону. Привычным движением руки она спрятала под косынкой прядь седых волос. Женщина шагнула в вагон. Стук колес за-

ставил ее вздрогнуть. Дрожащий свет луны озарил поблекшую от времени фотографию сыновей на купейном столике. Анна подняла глаза. Желтая луна, проплывающая среди облаков в окне вагона, напомнила ей печальное лицо Софии. Пожелтевший снимок соскользнул и перевернулся от толчка громыхающего поезда. Рыжий таракан по-хозяйски смерил ее шагами от угла до угла.

Анна, молча и отстраненно наблюдающая за его движениями, даже не шелохнулась. В своем привычном оцепенении встретила она рассвет, сидя на нижней полке.

Осмысленность взгляду вернул паровозный гудок. Анна вышла из полуразрушенного вагона, одиноко стоящего на поржавевших и обросших травой рельсах. Перед ним, широко раскинув мощные ветки, прямо между рельсами рос высокий дуб...

Мимо по соседним путям с тяжелым грохотом проносились и гудели спешащие по маршруту поезда...

Анна жила в этом вагончике уже много лет. Никто не помнил, когда именно она там поселилась. С тех пор она встретила и проводила трех директоров вокзала, около дюжины дикторш и армию путевых обходчиков. Говорили про нее разное: что в молодости ее бросил уехавший муж, и с тех пор она живет на вокзале, каждый день ожидая его возвращения; что когда-то у нее были большие хоромы, но пожар уничтожил все, оставив ее без крыши над головой; а некоторые утверждали, что давным-давно она, прибыв на вокзал, неудачно упала, при этом напрочь потеряв память. С тех пор и осталась тут, забыв, куда она ехала и откуда.

Постукивая клюкой, Анна прошла возле фонтана и стала подниматься по неудобной лестнице. Каждый шаг давался мучительно тяжело, и ей приходилось подолгу стоять, переводя дыхание. Мимо нее прошла компания молодых людей. Двое парней под руку со своими спутницами, весело смеясь, спустились в парк. Глядя им вслед, Анна восхищенно улыбнулась и невольно вспомнила свадьбу сыновей. Они тоже так разговаривали и смеялись с Маргаритой и Ольгой.

Не успела Анна оторваться от этих приятных воспоминаний, как вдруг в глазах ее потемнело: она вспомнила тот роковой день, когда получила ужасную весть. Под грузом этих воспоминаний по привычному руслу глубоких морщин на щеках полились слезы. Они текли из самих глубин ее души. Ей стало плохо, руки не слушались, тряслись.

Вдруг раздался гром, похожий на выстрел. Засверкала молния. В ту же секунду она почувствовала странную боль в челюсти, которая, поднявшись откуда-то из глубины, сразу сковала мысли и движения. Ничем не объяснимая тупая боль, словно масляное пятно, разрастаясь, перекинулась на плечи и спину. Ей стало душно. Пожилая женщина оперлась о перила и попробовала вдохнуть, но потеряла сознание и упала на ступеньки. Мешочек с семечками упал на землю. Зернышки запрыгали по ступенькам. Потихоньку начал моросить дождь. Ветер порывами налетал на деревья, приводя в движение причудливые тени.

На том месте, где рассыпались семечки, поднялось яркое поле подсолнухов. И совсем юная девушка с синими, как небо, глазами, проходила среди них, помахая рукой на прощание.